

Экономическая политика

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОЮЗНИКОВ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ (1945—1947 ГОДЫ)

Сергей НЕВСКИЙ

кандидат экономических наук,
доцент кафедры истории народного хозяйства
и экономических учений экономического
факультета, Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46).
E-mail: nevs kij@econ.msu.ru

Аннотация

В статье рассматривается социально-экономическая и политическая ситуация в западных зонах оккупации Германии в первые годы после окончания Второй мировой войны — в то время, когда на фоне разрастания нового глобального конфликта — «холодной войны» — складывались предпосылки для институциональных рыночных реформ середины 1948 года. Анализируется наследие национал-социалистического режима с точки зрения теории хозяйственного порядка, определяется влияние политики оккупационных властей на экономические и идеологические процессы в послевоенной Германии, раскрываются концептуальные воззрения сторонников социального рыночного хозяйства, исследуется значение плана Маршалла и эволюция внешнеполитической доктрины США в отношении послевоенной Западной Германии.

Ключевые слова: экономическая система Третьего рейха, послевоенная Германия, зоны оккупации Германии, план Маршалла, экономическая политика, оккупационная политика в Германии, международная политика, институциональные изменения.

JEL: B31, F35, F42, N44, P16.

Оικονομία • Πολιτική

OIKONOMIA • POLITTIKA

И С Т О Р И Я

Введение

Вторая мировая война обернулась для многих стран и народов мира невиданной моральной, политической, экономической и социальной катастрофой. Развязанный нацистской Германией тотальный военный конфликт втянул в себя более полусотни государств, унеся жизни приблизительно 60 млн человек, в том числе около 40 млн только в одной Европе. Среди погибших — более 27 млн советских граждан, 6 млн поляков, сотни тысяч американцев, французов и британцев. Жертвами холокоста пали 6 млн человек, уничтоженных из-за своего еврейского происхождения. Война оставила около 35 млн инвалидов по всему миру, до 20 млн человек потеряли свою родину в разных уголках Европы в результате бегства и изгнаний. Невероятны и материальные потери: общие военные расходы и экономический ущерб превысили астрономическую сумму в 4 трлн долл.

Трагическими последствиями обернулась шестилетняя война и для самого агрессора. Человеческие потери составили почти десятую часть населения, проживавшего на территории Германии в границах 1937 года. Из более 7 млн погибших 4,5 млн —

солдаты вермахта, 500 тыс. — гражданские лица, павшие жертвами боевых действий и бомбардировок союзнической авиации, 2 млн — люди, не пережившие тягот переселения с восточных территорий, 200 тыс. — немцы, погибшие в нацистских тюрьмах и концлагерях. Из 11 млн немецких военнопленных и угнанных гражданских лиц около 1 млн человек так и не дожили до своего освобождения¹. Около 2,5 млн человек остались инвалидами.

Экономическая ситуация в Германии на момент окончания войны выглядела не менее катастрофически. Города лежали в руинах, транспортная инфраструктура была практически уничтожена, коммунальное хозяйство парализовано, уцелевшие промышленные предприятия обеспечивали не более трети производства от уровня 1936 года, а сельское хозяйство — лишь 70% продовольствия от довоенного аграрного потенциала. Потерпели крах немецкие финансы: размеры государственного долга достигали 400 млрд марок, а общие объемы денежного обращения, не находившего товарного покрытия, оценивались в 300 млрд марок. Миллионы беженцев с утраченных германских территорий на востоке ожидал долгий и трудный процесс интеграции в послевоенное общество Германии, социальная энергия которого была направлена на повседневную борьбу за выживание. Морально искалеченная нация испытывала голод, страх, лишения и нищету, расплачиваясь таким образом за преступления нацистского режима.

После безоговорочной капитуляции Германии (7—8 мая 1945 года) в стране был установлен оккупационный режим. На основании «Берлинской декларации» от 5 июня 1945 года вся территория бывшего Третьего рейха (оставшаяся после отделения земель к востоку от рек Одер и Нейссе, а также Саарской области)² подразделялась на зоны оккупации — советскую, американскую, британскую и французскую³. Несмотря на то что экономически послевоенная Германия должна была рассматриваться союзническими державами как «единое целое»⁴, фактически страна была разделена на четыре автономных «государства» с самостоятельными органами управления (военными администрациями), главы которых в основном придерживались соб-

¹ Подробнее см., например: [Шмидт, 2007. С. 35 и далее].

² После 1945 года Германия потеряла около 1/4 своей территории относительно 1937 года.

³ Вопрос послевоенного расчленения Германской империи обсуждался еще в ходе конференций трех держав — СССР, США и Великобритании — в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 года) и в Ялте (4—11 февраля 1945 года). Документально политические решения союзников о дальнейшей судьбе побежденной Германии были закреплены соглашением, принятым «большой тройкой» на Потсдамской конференции в Берлине (17 июля — 2 августа 1945 года).

⁴ Единая экономическая политика союзников в оккупированной Германии должна была осуществляться прежде всего в области финансов, транспорта, коммуникаций, промышленности, сельского хозяйства и внешней торговли. Функции высшего органа управления в Германии (с 5 июня 1945 по 20 марта 1948 года) исполнял Союзный контрольный совет, состоявший из представителей Верховных командований СССР, США, Великобритании и Франции.

ственных политических и экономических интересов на подконтрольных им германских территориях. Единой оставалась лишь политика возмездия и наказания Германии, предполагавшая жесткие меры денацификации, демилитаризации, деиндустриализации и декартелизации страны, а также демонтаж промышленного оборудования в счет возмещения ущерба, причиненного войной.

Довольно схожими были и методы, которые военные администрации союзников использовали в управлении хозяйством в своих оккупационных зонах. Рационирование продовольствия и других благ, нормирование и распределение основных материалов и важнейшего сырья, регламентация производства и поставок, распоряжения о замораживании цен и заработной платы, регулирование экспорта и импорта — вот далеко не полный перечень мероприятий командно-административного характера, унаследованных союзнической политикой в Германии от прежнего тоталитарного режима. При этом как у оккупационных властей, так и в германских политических кругах в первое время после окончания войны отсутствовало согласованное представление о том, на каких принципах следует воссоздавать в стране общественно-экономический порядок. Обострение конфликта «двух идеологий» между СССР и США в 1946—1947 годах привело к невозможности дальнейшего единого государственного строительства на территории всей Германии. После выхода советской стороны из Союзного контрольного совета (20 марта 1948 года) и проведения двух сепаратных денежных реформ в западной и восточной оккупационных зонах (20—21 и 23—28 июня 1948 года соответственно)⁵ началось разделение страны на два противоборствующих лагеря, в которых под покровительством держав-гегемонов — Соединенных Штатов и Советского Союза — стали выстраиваться две различные общественно-экономические системы: социальная рыночная и социалистическая плановая.

В центре внимания данной статьи находится анализ социально-экономической и политической ситуации в западных зонах оккупации Германии в первые годы после окончания войны — в период, когда складывались предпосылки для институциональных рыночных реформ середины 1948 года⁶. Экономические последствия национал-социалистического режима и проблема точного научного определения типа хозяйственной системы Третьего рейха; влияние союзнической военной администрации на экономические и идеологические процессы в западных зонах Германии и концептуальные воззрения сторонников социального рыночного хозяйства; план Маршалла и американская оккупационная политика в Германии в 1945—1947 годах — вот основная тематика разделов настоящего исследования.

⁵ Подробнее см., например: [Невский, 2007а; Болдырев, Невский, 2014].

⁶ Подробнее о данных реформах см. также: [Невский, 2008. С. 63 и далее].

1. Наследие национал-социалистического режима с точки зрения теории хозяйственного порядка

При оценке состояния немецкого народного хозяйства непосредственно после окончания войны необходимо принять во внимание тот факт, что производственный потенциал страны не был полностью уничтожен в результате военного поражения. О незначительности разрушений в индустриальном секторе Германии могут свидетельствовать следующие данные. Вплоть до середины 1944 года основные промышленные районы Третьего рейха оставались практически не затронутыми воздушными налетами англо-американской военной авиации. Как полагало военное руководство западных союзников, наиболее значительный подрыв хозяйственного потенциала противника мог быть достигнут прежде всего в результате уничтожения объектов транспортной инфраструктуры — портов, мостов, железнодорожных узлов, а также других стратегических сооружений — электростанций, нефтеперерабатывающих заводов, дамб и проч. [Hardach, 1993. S. 102f.]. Во второй половине 1944 года — в период наиболее массированных бомбардировок территории Германии за всю историю войны — главной целью военно-бомбовых ударов союзнической авиации были области производства синтетического горючего, а также пути транспортных сообщений. При этом за весь 1944 год был нанесен ущерб лишь 6,5% всего промышленного оборудования страны, из которого полностью непригодным к эксплуатации оказалось только 10% оборудования. Так, например, в шарикоподшипниковой индустрии было повреждено всего 16% станков, в сталелитейной отрасли было разрушено несколько доменных печей и незначительное число машин. Не очень существенный ущерб получили и стратегически важные угольные шахты Рурской области, в которых добывающий процесс, по некоторым данным, мог быть полностью восстановлен всего за несколько послевоенных месяцев⁷.

Историко-экономические исследования указывают и на достаточную благоприятную структуру основного капитала в промышленности, которому был нанесен не настолько значительный ущерб, чтобы можно было говорить о какой-либо серьезной угрозе германскому индустриальному сектору. Коэффициент использования производственных мощностей⁸ достиг к исходу Второй мировой войны наивысших показателей со времен Первой мировой войны. Фактически к маю 1945 года размер валового основного капитала в промышленном производстве увеличился на 20% по сравнению с показателями 1936 года

⁷ В октябре 1945 года был издан специальный отчет Соединенных Штатов «О стратегических бомбардировках» (United States Strategic Bombing Survey), который констатировал полный провал стратегических бомбардировок американских ВВС в Германии. Согласно этому документу на жилые кварталы немецких городов и пути транспортных сообщений было сброшено в семь раз (!) больше бомб, чем на военно-промышленные объекты [Abelshausen, 2004. S. 69].

⁸ Соотношение между чистыми и валовыми основными средствами предприятий.

[Lange, 1982. S. 11; Abelshausen, 2004. S. 71]. По мнению немецкого экономиста Уве Уффельмана, «германская экономика в послевоенный период наряду с предельно низким уровнем промышленного производства располагала достаточно мощной и отвечающей современным требованиям структурой основного капитала, используемого на производственные цели» [Uffelman, 1988. S. 20]. Аналогичную оценку можно встретить и у отечественных авторов. Так, Леонид Ходов пишет:

«В связи с тем, что в 1939—1944 годах в военных отраслях промышленности были сделаны крупные капиталовложения, уцелевших производственных мощностей было вполне достаточно для возобновления производства и достижения довоенного уровня». По данным исследователя, «стоимость основного капитала в 1948 году составила 58,9 млрд марок, то есть примерно столько же, во сколько оценивался основной капитал в 1939 году» [Ходов, 1966. С. 23].

Далее необходимо обратить внимание на широко распространенную гипотезу, согласно которой у руководства национал-социалистической Германии вообще отсутствовала какая бы то ни было самостоятельная и целостная экономико-политическая концепция развития страны⁹. Многие авторы указывают на явный недостаток соответствующих исследований по данному направлению, объясняя это прежде всего нехваткой эмпирических данных. Как отмечает израильский историк Авраам Баркай, наряду с большим числом работ по такой общей тематике, как «сущность национал-социалистического режима или его классовый характер в целом», в явном дефиците фундаментальные исследования, посвященные, например, анализу банковского сектора или системы регулирования цен и заработной платы в Третьем рейхе, развития важнейших отраслей нацистской экономики на государственном и региональном уровнях и проч. [Barkai, 1995. S. 10]¹⁰.

В научной литературе также довольно сложно встретить точное определение степени плановой централизации в экономической модели национал-социализма. По словам немецкой исследовательницы Фридрих Куас, «весь спектр проблем, касающихся анализа представителей, институтов и целевой аудитории экономической политики национал-социализма, подлежал достаточно широкому рассмотрению лишь в рамках сравнительных исследований централизованно-управляемой и рыночной хозяйственных моделей, написанных либо в период национал-социализма, либо после него» [Quaas, 2000. S. 61]. Российский исследователь Александр Погорлецкий вообще не склонен рассматри-

⁹ По мнению немецкого историка Рольфа Вальтера, у НСДАП не существовало самостоятельной, непротиворечивой и законченной экономической программы: «Партийная программа от 1920 года не обнаруживает какой-либо ясной концепции в отношении политико-экономических вопросов» [Walter, 1995. S. 165].

¹⁰ Пожалуй, исключением является вышедший в 2006 году всеобъемлющий труд британского историка Адама Туза под названием: «Цена разрушения: создание и крушение нацистской экономики» (*The Wages of Destruction. The Making and Breaking of the Nazi Economy*), в котором автор концентрирует внимание на финансово-экономических аспектах национал-социалистического режима как до, так и во время Второй мировой войны. В переводе на немецкий язык книга увидела свет в 2008 году. См.: [Tooze, 2008].

вать экономическую модель Германии в первые годы становления режима как полностью тоталитарную, контролируруемую из единого центра: «Несмотря на административно-командный характер системы, в народном хозяйстве страны долгое время отсутствовало центральное плановое звено» — единый координационный центр, который мог бы направлять «макроэкономическую деятельность в нужное русло» [Погорлецкий, 2001. С. 106]. Централизация же аппарата управления нацистской экономикой, по мнению Санкт-Петербургского исследователя, берет начало лишь с конца 1938 года [Погорлецкий, 2001. С. 107].

Несмотря на очевидные сложности с точной характеристикой хозяйственного строя национал-социалистической Германии, следует признать, что в его рамках, несомненно, допускалось применение широко-инструментария силовых методов и внеэкономического принуждения для достижения политико-экономических целей режима. Достаточно указать на опыт военной экономики с присущими ей планово-мобилизационными принудительными мероприятиями, чтобы вполне обоснованно рассматривать экономическую модель национал-социализма в качестве разновидности централизованно-управляемого хозяйства, — ведь уже с первых лет нацистской диктатуры имело место явное и широкомасштабное вмешательство государства в экономическую сферу. Подобный ярко выраженный этатистский характер экономической политики национал-социализма основывался на четкой, осознанной и неизменной идее антилиберального развития, являвшейся центральным пунктом экономической программы НСДАП, принятой еще в 1920 году¹¹. «Негативный оттенок понятия „капитализм“, так же как и отрицательное отношение к плюралистическому обществу, сошлись воедино в антилиберальном движении национал-социалистов», — пишет немецкий историк экономики Ханс Егер [Jaeger, 1988. S. 177f.]. Всё это позволяет охарактеризовать национал-социалистическую модель как «новый интегративный этатистский хозяйственный порядок» [Barkai, 1995. S. 16f.], в условиях которого имело место неотъемлемое «*требование функционализации экономической теории* в духе концепции управленческой механики для подчинения хозяйственной системы целям господствующего режима» [Kruse, 1988. S. 21]¹².

Вопросом о специфике организации национал-социалистической хозяйственной системы задается и берлинский политолог Михаэль

¹¹ Речь идет о программе «25 пунктов» от 24 февраля 1920 года. При том что одни авторы не склонны рассматривать данную программу в качестве исчерпывающей, отражавшей всю полноту мировоззрения национал-социализма [Hardach, 1993. S. 65], другие, например германский политолог Роберт Хофманн, полагают, что программа «25 пунктов», несмотря на изобилие в ней популистских и социал-демагогических лозунгов (что обуславливалось тактикой предвыборной борьбы), всё же достаточно отчетливо высвечивала главные цели будущего режима [Hofmann, 1993. S. 181].

¹² Данные политико-экономические цели автор классифицирует по трем важнейшим направлениям: во-первых, это продиктованные тяжелыми последствиями мирового кризиса первоочередные меры по решению проблемы занятости; во-вторых — всеобщая милитаризация хозяйства в свете подготовки к войне; в-третьих — формирование нового общественно-экономического строя в долгосрочной перспективе.

фон Проллиус. В своей книге «Экономическая система национал-социалистов (1933—1939): Управление посредством новой организации и политических процессов» ученый выделяет главные цели экономической политики в Третьем рейхе: преодоление экономического кризиса, ликвидация безработицы, милитаризация и стремление к автаркии, которые были тесно связаны между собой и подчинялись главному намерению — подготовке к войне на уничтожение [Prollius, 2003. S. 14]. При этом исследователь отмечает, что «национал-социалисты не располагали ни возможностью, ни волей к целенаправленному проведению какой-либо упорядоченной экономической политики», в связи с чем «в экономической истории на первый план выходят идеологические аспекты национал-социалистического режима — расизм, антисемитизм и империализм — в качестве главных факторов при постановке целей и практической реализации экономической политики нацистов» [Prollius, 2003. S. 13]. Считая экономическую систему национал-социализма одной из самых сложных областей исторических исследований, автор дает этой системе следующее определение: «основанное на принципах частной собственности монополистическое хозяйство, широко управляемое государством» [Prollius, 2003. S. 16]¹³.

Для оценки фактических масштабов государственного вмешательства в важнейшие сферы общественно-экономической жизни национал-социалистической Германии необходимо привести следующие данные. Согласно программным целям НСДАП главное внимание нацистов изначально было сосредоточено на трех аспектах макроэкономического регулирования в стране: контроле за сферой потребления, за капиталовложениями и за рынком труда. Под особым государственным контролем находилась сфера образования и использования денежных доходов, где регулирование осуществлялось с помощью налогообложения и замораживания заработных плат¹⁴.

¹³ Немецкий экономист-историк Дитрих Айхгольц обращает внимание на внешнеполитическую доктрину Гитлера, нацеленную на установление немецкого господства в мире с главным акцентом на «уничтожение большевизма» и завоевание «восточного пространства», которая приобрела особо важное значение в условиях нацистской диктатуры, ориентированной на крупномасштабную войну. Ученый напоминает, что фюрер взял на вооружение давно известные реакционные идеи пангерманистов, различного рода апологетов доктрины «натиска на Восток», экспертов по Центральной Европе, расовых теоретиков и геополитиков, радикализировал и актуализировал их, придав им новую форму. Будучи нацеленной на ликвидацию условий Версальского мирного договора, реализацию идеи о «великой Германии», создание континентального «большого экономического пространства», формирование крупной колониальной империи и т.п., «внешнеполитическая программа Гитлера являлась политически обоснованным и оформленным в идеологию расизма отражением данных империалистических устремлений» [Eichholtz, 1999. S. 11].

¹⁴ После упразднения социал-демократических профсоюзов (май 1933 года), а также сокращения предложения на рынке труда (если в 1933 году уровень безработицы составлял 20%, то в 1934 году он снизился до 12,5, в 1935 году — до 9,6, в 1936 году — до 5,7, в 1937 году — до 2,5, в 1938 году — до 0,95%) были установлены достаточно жесткие пределы роста заработных плат. Что касается налогообложения, то и без того высокие налоги подлежали дальнейшему увеличению (так, например, налог с корпораций возрос в 1936 году с 20 до 25%, а в 1937 году — до 30%), в результате чего удельный вес налогов (включая отчисления на социальное страхование) в национальном доходе Германии составил к 1938 году 29,5% (в 1932 году данный показатель равнялся 25,4%) [Hardach, 1993. S. 78].

Несмотря на сохранение института частной собственности (основные средства производства номинально оставались в руках немецких собственников-предпринимателей, прежде всего крупных), предпринимательская деятельность также строго контролировалась государством. Так, наряду с ограничением доступа частных компаний на рынок ссудных капиталов (ввиду приоритета беспрепятственного доступа самого государства к долгосрочному кредитованию) можно назвать такую принудительную меру нефинансового характера, как общий запрет на учреждение и расширение предприятий в важнейших отраслях¹⁵. Последнее должно было сдерживать «нежелательную активность» частнохозяйственного сектора и направлять предпринимательскую инициативу на службу интересам государства. «Постановление о замораживании цен», принятое 26 ноября 1936 года, как и «Закон о принудительном синдицировании»¹⁶ от 15 июля 1933 года, и «Постановление о нормировании продовольственных и потребительских товаров конечному потребителю»¹⁷ от 27 августа 1939 года также могут свидетельствовать о прямом государственном вмешательстве в прежде независимые сферы частных компетенций.

Несмотря на приведенные примеры грубого нарушения принципов предпринимательской свободы, вопрос о регулировании германской экономики в условиях нацистской диктатуры можно рассматривать и под другим углом зрения. Так, например, разделение немецкого народного хозяйства на семь групп — промышленности, энергетики, торговли, транспорта, ремесла, банковского и страхового дела — с дальнейшим расчленением на многочисленные региональные и отраслевые «подгруппы»¹⁸ в конечном счете не могло не привести к теснейшему переплетению сфер компетенций крупных предпринимательских кругов и государственно-чиновничьего аппарата. Как замечает западногерманский историк экономики Карл Хардах, вопреки установлению «фюрер-принципа» столь сложная и разветвленная система контролирующих инстанций шла отнюдь не на пользу эффективности экономического регулирования сверху. При этом отдельные

¹⁵ В результате данного запрета только в период с 1936 по 1939 год количество ремесленных предприятий сократилось на 14%, что в абсолютных цифрах составляло около 190 тыс. производственных единиц [Quaas, 2000. S. 66].

¹⁶ На основании так называемого Декрета о картелях все предприятия должны были войти в состав действующих картелей и синдикатов. Акционерные общества, уставный капитал которых не превышал 100 тыс. рейхсмарок, подлежали ликвидации; вновь же учреждаемые предприятия должны были располагать капиталом более 500 тыс. рейхсмарок.

¹⁷ По данному постановлению под контролем 27 специально созданных имперских инстанций вводилась карточная система распределения важнейших потребительских товаров — продовольствия, одежды, топлива и проч.

¹⁸ Одна только «Рейхсгруппа промышленности» (*Reichsgruppe Industrie*) имела 31 хозяйственную группу, 161 промышленную группу, 137 промышленных подгрупп и 332 региональных отделения для представления промышленно-отраслевых интересов на местах. В свою очередь, отраслевые подгруппы могли подразделяться на региональные, окружные и территориальные группы. Существовало также региональное деление согласно профессионально-сословному принципу организации в палаты в экономических округах [Prollius, 2003. S. 178].

промышленники всё же сохранили за собой достаточно широкую свободу действий, что отвечало одному из постулатов нового корпоративного хозяйственного строя — «соединить „ответственность экономического самоуправления“ с общим контролем со стороны органов государственной власти» [Hardach, 1993. S. 80]. По мнению Хардаха, национал-социалисты вообще не стремились к установлению какого-либо тотального режима регулирования, скорее их долгосрочной целью было создание такого порядка, при котором экономика развивалась бы по среднему пути — между централизованной плановой системой советского образца и свободным рыночным хозяйством западного типа, то есть содержала бы элементы и коммунистической, и капиталистической моделей. «Без каких-либо идейных опасений они... по мере надобности выбирали такой политико-экономический инструментарий, который бы способствовал достижению их собственных целей» [Hardach, 1993. S. 81]¹⁹.

Почти такой же точки зрения придерживался и американский автор Отто Натан, который в заключение своего исследования экономической системы национал-социализма еще в 1944 году дал следующую оценку данному режиму:

За шесть лет, прошедших со времени победы фашизма до начала войны, нацизм установил такую систему производства, распределения и потребления, которая не поддается классификации посредством устоявшихся представлений об общественно-экономическом устройстве. Ее нельзя назвать капитализмом в традиционном смысле, поскольку здесь почти отсутствовал свободный рыночный механизм, присущий капиталистическим хозяйственным системам последних двух столетий. Ее нельзя назвать и государственным капитализмом, так как правительство не пожелало взять под свой контроль все средства производства, фактически приняв меры по их денационализации. Данный порядок не являлся ни социализмом, ни коммунизмом, ибо здесь всё еще имелись институты частной собственности и частной прибыли. Подобная модель скорее представляла собой комбинацию из некоторых черт капитализма и высокоплановой экономики. Без полного уничтожения ее классового характера всеобъемлющий плановый механизм был наложен на модель экономики, в которой частная собственность не была конфискована, где распределение национального дохода, в сущности, оставалось неизменным, а частные предприниматели сохранили ряд своих прежних прав и функций, которыми они располагали еще в условиях традиционной капиталистической системы. Всё это воплощалось в обществе, оказавшемся во власти безжалостной политической диктатуры [Nathan, 1944. P. 367; цит. по: Schneider, 1996. S. 67].

¹⁹ Заслуживает внимания еще одна характеристика нацистской модели регулирования, представленная историком-экономистом: «Тот, кто владеет ситуацией, понимает, что в действительности национал-социалистический режим характеризовали не диктаторская централизация и не тоталитарное регулирование — господствовавшая система скорее походила на восточный произвол с присущими ему столь же халатным отношением к использованию власти и столь же безудержным стремлением к плетению интриг. Помимо разрешения личных противоречий значительные усилия руководящих деятелей партии и местных должностных чинов были направлены на сокращение всеобщего частного потребления, а также на расходование огромных невоенных государственных ресурсов в пределах сфер их властных компетенций (будь то сооружение второстепенных объектов гражданского назначения или строительство роскошных личных и партийных резиденций)» [Hardach, 1993. S. 96].

Проанализировав экономическую модель национал-социалистического режима с точки зрения теории экономических систем, Михаэль фон Проллиус пришел к выводу, что это был порядок совершенно специфического типа, в котором «слились воедино традиционные и новые (квази) государственные организации и частное хозяйство, сформировав своеобразный конгломерат экономических, но также и далеких от экономики образований» [Prollius, 2003. S. 28]. Ученый также признаёт сложность точной классификации данной системы, в рамках которой на основе «фюрер-принципа», (идеологического) господства Гитлера над экономикой, концентрации власти и коллективизации народных масс²⁰ вождями были сформированы властные блоки в экономике, вооруженных силах, партии и бюрократии, а также созданы штабы и организации, в которых переплелись многочисленные частные и властные интересы. Как констатирует исследователь: «...этот процесс переплетения проистекал незапланированно и спонтанно, но порой также весьма целенаправленно и планомерно» [Prollius, 2003. S. 28].

Итак, все вышеприведенные цитаты, как и конкретные примеры экономических мероприятий административного характера, осуществленных нацистами как до, так и в течение Второй мировой войны, всё же вполне убедительно могут свидетельствовать о том, что экономике Третьего рейха в целом были присущи черты центрально-управляемого хозяйства. Как пишет Александр Погорлецкий, «меры по централизации экономики и подготовке промышленных мощностей к выпуску военной продукции были заблаговременно приняты еще в 1933—34 годах» [Погорлецкий, 2001. С. 103]²¹. Автор ссылается на уже упоминавшийся «Декрет о картелях» (1933 год), а также на принятый в начале 1934 года «Закон о подготовке органического построения германского хозяйства»²². Оба законодательных акта не только привели к дальнейшему переплетению интересов бизнеса и власти, поспособствовав «неимоверному размаху коррупции и взяточничества»

²⁰ Речь идет о широко пропагандировавшейся национал-социалистами идее создания в Германии «народного государства» (*Volksstaat*), в рамках которого индивиду следовало отказаться от эгоистических побуждений в пользу «народного коллектива» и подчинения «политической воле» вождя с целью построения «народного сообщества» (*Volksgemeinschaft*) [История Германии, 2005. С. 212]. Подробнее см. также: [Арапина, Корнева, 2012].

²¹ Следует отметить, что данная «заблаговременность» позволила Германии непосредственно перед началом Второй мировой войны избежать резкой переориентации народного хозяйства на военное положение, в отличие от ситуации, которая имела место накануне Первой мировой войны. При этом некоторые авторы даже берутся утверждать, что полный переход германского народного хозяйства к военной экономике произошел лишь в 1942 году. В этой связи, как правило, приводится статистика показателей военного производства в период с 1938 по 1944 год. Так, если в 1938 году объем производства вооружений составлял лишь 7% от всего промышленного производства Третьего рейха, то в последующие годы динамика развития данного сектора выглядела следующим образом: 1939 год — 12%, 1940 год — 14, 1941 год — 19, 1942 год — 26, 1943 год — 37, 1944 год — 48% [Henning, 1997. S. 177].

²² По данному закону, дополнявшему «Декрет о картелях» 1933 года, рейхсминистру экономики предоставлялись компетенции в установлении приоритетности тех или иных отраслей народного хозяйства и принудительном объединении отдельных предприятий по территориально-отраслевому принципу.

[Патрушев, 2004. С. 198], но и нанесли ощутимый удар по прежнему порядку конкуренции в индустриальном секторе Германии²³.

Напротив, Авраам Баркай не спешит полностью отождествлять национал-социалистический экономический порядок с разновидностью централизованно-управляемого хозяйства. По его мнению, данная система, хотя и являлась идеальным «базисом для государственного дирижизма в области производства, распределения доходов и потребления», однако не основывалась всецело на централизованном государственном планировании и сохранила принцип частной мотивации к получению прибыли.

Вопреки всей существующей «антикапиталистической» терминологии и широко пропагандируемому «немецкому социализму» это была капиталистическая система, в которой капиталистические условия землевладения оставались неприкосновенными, а отдельные предприятия продолжали действовать по принципу максимизации прибыли [Barkai, 1995. S. 230].

Подобная аргументация в чем-то может напомнить нам терминологию немецкого ученого, ведущего теоретика ордолиберальной фрайбургской школы Вальтера Ойкена, хотя установление простых взаимосвязей между капитализмом и рыночной экономикой (меновым хозяйством), социализмом и центрально-управляемым хозяйством не может служить адекватным методом оценки той или иной экономической модели. Сам Ойкен категорически возражал против непосредственного отождествления данных понятий при исследовании и теоретическом анализе хозяйственных систем, о чем свидетельствует следующая формулировка родоначальника немецкого ордолиберализма (1939 год):

«Меновое хозяйство» мы не должны понимать как синоним «капиталистического» способа хозяйствования XIX столетия. В XIX веке элементы централизованно управляемого хозяйства проявились с достаточной силой и в так называемых капиталистических странах. С помощью таких понятий, как «капитализм», «коммунизм», «социализм» и им подобных, невозможно решить исследовательские задачи национальной экономики. «Меновое хозяйство» — это такая же взятая в чистом виде конституирующая идеально-типическая форма, как и «централизованно управляемое хозяйство». Она встречается во *всех* исторических эпохах и выявляется с помощью выделяющей абстракции на основе пристального наблюдения за отдельными хозяйствами [Ойкен, 1996. С. 116].

Современник Ойкена, кёльнский экономист Альфред Мюллер-Армак²⁴ вообще отказывался от употребления термина «капитализм»,

²³ Заслуживает внимания разделение рядом исследователей процесса государственного вмешательства в хозяйственную сферу национал-социалистической Германии на три этапа. Так, согласно Фритцу Блаиху, в течение первого этапа (с 1933 по 1936 год) преобладала практика «точного вмешательства», прежде всего в области внешней торговли, сельского хозяйства, а также рынка занятости населения; вторая стадия (с 1936 по 1939 год) ознаменовалась более масштабными государственными интервенциями, распространившимися почти на все хозяйственные сферы; третья фаза (с 1939 по 1945 год) отмечена окончательным установлением системы централизованного планирования и регулирования экономического процесса (см.: [Quaas, 2000. S. 69, Fußnote 15]).

²⁴ Мюллер-Армак являлся представителем социал-либерального экономического учения; именно ему принадлежит авторство понятия «социальное рыночное хозяйство», которое было предложено им для научного обоснования концепции экономической политики, проводимой в послевоенной ФРГ.

предпочитая эмоционально менее окрашенную и более нейтральную терминологию — «современное индустриальное общество», или «рыночное хозяйство» — при характеристике экономической действительности XX столетия²⁵. обстоятельно анализируя национал-социалистическую модель экономической политики, ученый пришел к выводу, что она сочетает в себе все формы проявления хозяйственного регулирования, будь то неизменность цен, отсутствие хозяйственного расчета, превышение спроса над предложением, централизованное распределение товаров и трудовых ресурсов, и наконец, «полный отказ от рыночно-экономического процесса» [Müller-Armack, 1990. S. 17]. Особое внимание Мюллер-Армак обращал на дискриминированное положение немецких потребителей, широкое ущемление интересов которых, по его мнению, являлось следствием двойного воздействия — «характерного для системы регулирования ограничения производства лишь крайне необходимым количеством и спектром потребительских товаров, с одной стороны, и открытого потворства руководящих органов данной фатальной ситуации, с другой» [Müller-Armack, 1981. S. 24].

Данная критическая оценка опыта хозяйственного регулирования времен нацистской диктатуры подтверждает безусловную приверженность Мюллер-Армака основным ценностям свободной рыночно-экономической системы, причем такой, которая исключала бы повторение ошибок так называемого манчестерского капитализма (полагающегося на «невидимую руку» рыночного механизма, якобы обеспечивающую равновесие или даже оптимум без внешнего вмешательства)²⁶. В своей работе «Управление экономикой и рыночное хозяйство» (1946 год) ученый объясняет «заблуждения» чисто либеральной формы рыночного хозяйства следующим образом:

Ошибки и упущения, связанные с либеральным рыночным хозяйством, в конечном счете проистекают из узости экономического мировоззрения либерализма. Эта узость заключается в том, что либерализм не замечает инструментального характера порядка, который лежит в основе его концепции и который он реализует, и ошибочно полагает, что рыночное хозяйство является автономным миром...

²⁵ Так, Мюллер-Армак отмечал (1973 год): «Было бы правильнее не использовать слово „капитализм“, заменив его более нейтральными понятиями „индустриального хозяйства“ или „рыночного хозяйства“, так как капиталистический расчет не ограничен лишь рамками капиталистической экономики, он известен и в социалистической экономике». По убеждению ученого, «термин „капитализм“ часто используется в уничижительном и обвинительном смысле, что не способствует пониманию феномена капитализма и объясняется лишь агрессивным желанием опорочить существующий экономический порядок» [Müller-Armack, 1981. S. 181; цит. по: Козловски, 1999. С. 80—81]. По мнению другого представителя германского ордолиберализма Эриха Хопманна, слова «капитализм» и «социализм» вообще «представляют собой лишь пустые оболочки понятий», не позволяя «сколько-нибудь адекватно описать проблему, на решение которой они претендуют» [Хопманн, 2002. С. 374].

²⁶ Критикуя «доктринерский либерализм», Мюллер-Армак указывал, что чисто либеральное рыночное хозяйство не отражает главной задачи государства — обеспечения порядка конкуренции и недопущения образования монополий и трестов (посредством антимонопольного законодательства). По мнению ученого, «доктринерский либерализм не учитывает того, что экономическая конкуренция является средством организации общества, направленным на понижение затрат и цен в интересах общего блага» [цит. по: Козловски, 1999. С. 82].

Сегодня рыночное хозяйство представляется нам инструментальным средством, в то время как либерализм пытался превратить его в своего рода идола. Однако в качестве инструментального средства рыночное хозяйство продолжает оставаться для нас незаменимым средством, а также единственным способом организации жизни массовых культур, позволяющим не приносить в жертву остатки нашего человеческого достоинства [Müller-Armack, 1990. S. 94].

Несмотря на то что при обосновании своей концепции Мюллер-Армак заимствовал метод классификации экономических систем, его теория преодолевает рамки двух крайних (чистых) форм сравнения хозяйственно-политических моделей, подчиненных дихотомии «социализм и капитализм» или «централизованно-административное хозяйство и рыночная экономика». Занимающая определенную нишу в системе классификации хозяйственных порядков, концепция Мюллер-Армака изначально включала требования, которые, помимо чисто классификационного («морфологического») подхода, соответствовали также критериям эволюционной («морфогенетической») теории хозяйственных систем («новый институционализм»). Ведь «концепция социального рыночного хозяйства, во-первых, создает социальную среду для индивидуального действия, во-вторых, учитывает то, что социальные и экономические отношения должны основываться не только на нормах правопорядка, но и на нравственно-этических ценностных категориях, и, в-третьих, принимает во внимание „системные издержки“» [Quaas, 2000. S. 71f.]²⁷.

2. Возрождение партийно-политической системы и дискуссии о новом общественно-экономическом устройстве в послевоенной Германии

При рассмотрении социально-политической и экономической ситуации в послевоенной Германии с учетом приведенных выше рассуждений необходимо обратить внимание на такой немаловажный фактор, как глубокое укоренение в сознании немецких граждан идеологии хозяйственного регулирования, более десяти лет воплощавшейся на практике в условиях прежнего тоталитарного режима. О безнадежности сложившегося положения с позиции либеральных представлений об экономическом устройстве может свидетельствовать следующее замечание Мюллер-Армака, сделанное им в 1947 году:

Сегодня даже среди предпринимателей имеет место убеждение в неизбежности дальнейшего форсирования мероприятий принудительного характера. Это своего рода отражение духа времени, когда лишь в мерах хозяйственного регулирования усматривается единственно серьезный способ преодоления столь крайне сложной ситуации, какую мы имеем в нынешний момент [Müller-Armack, 1981. S. 19].

В период после окончания войны вплоть до момента основания двух отдельных государств (в 1949 году) общественное мнение в герман-

²⁷ Подробнее см. также: [Ambrosius, 1996. S. 348f.].

ских оккупационных зонах «вопреки распространенной точке зрения... скорее больше склонялось к выбору антикапиталистического, нежели действительно социалистического варианта регулируемой государством экономики» [Quaas, 2000. S. 72]²⁸. Ведь исторический опыт Германии последних трех десятилетий отнюдь не отражал идеологии хозяйствования в духе свободной рыночной системы (*laissez faire*). Кроме периода нацистской диктатуры немцы имели представление лишь о предшествовавшей ей экономической политике времен Веймарской республики, в известной степени носившей «социализированный» характер²⁹. К тому же вновь сформированные политические элиты в подавляющем большинстве принадлежали не к новому, а к старому поколению, «с определенно более консервативным мировоззрением, основанным на соответствующем опыте недавнего прошлого» [Görtemaker, 1999. S. 31].

В результате прочно укоренившейся в сознании немецких граждан веры в «сильную руку» государства, которая могла бы позитивно повлиять на улучшение условий жизни каждого, в первые годы оккупационного режима, казалось, не могло и речи идти о возможности установления в стране системы, основанной на принципах экономической и индивидуальной свободы. Как пишет российский историк Борис Зарицкий, было достаточно непросто «убедить немцев в том, что единственное спасение от голода, нищеты и засилья спекулянтов», — так ученый характеризует ситуацию, сложившуюся после окончания войны, — состояло именно в безотлагательном освобождении цен, отказе от карточек, демонтаже командно-распределительной системы и как можно скорейшем включении рыночных механизмов [Зарицкий, 1997. С. 85].

Размышляя над природой духа своего времени, не оставлявшего почти никаких шансов для реализации в Германии свободной рыночно-экономической системы, Мюллер-Армак пришел к выводу, что «именно социальные мотивы являются причиной того, что и Экономическое управление, и профсоюзы, и политические партии, и многие индивиды до сих пор вынуждены мириться с очевидно непригодными мерами хозяйственного регулирования, поскольку у них нет уверенности в том, что существует какой-либо иной действенный способ решения социального вопроса и улучшения условий жизни широких слоев насе-

²⁸ Нет надобности говорить о том, что население полуразрушенной страны, испытывавшее на себе все тяготы послевоенного периода и озабоченное повседневными проблемами элементарного выживания, в принципе не могло себе позволить широко полемизировать на тему преимуществ той или иной экономической модели.

²⁹ Немецкие исследователи Юрген Шнайдер и Вольфганг Харбрехт в статье «Экономико-политические эксперименты в лаборатории военной экономики Веймара/Третьего рейха (1914—1948) и Советской России (1917)» рассматривают исторический отрезок времени с 1914 по 1948 год как эпоху «экономико-политических экспериментов», начало которой было положено в период Первой мировой войны попытками реализации в Германии централизованно-управляемых методов хозяйствования. Затем политика экономического экспериментирования продолжилась в ходе осуществления ряда законов о социализации (1919 года), пройдя различные стадии в Веймарский период и проявившись в полной мере во времена Третьего рейха. Как отмечают авторы, подобного рода эксперименты с определенными модификациями продолжались вплоть до 1948 года [Harbrecht, Schneider, 1996. S. XIV].

ния» [Müller-Armack, 1981. S. 20]. Данное положение вещей усугублялось ситуацией, которую Зарицкий описывает следующим образом:

За 12 лет господства нацистской разновидности «социализма» и три года послевоенной разрухи люди отвыкли работать без кнута, ...отвыкли от инициативы, отвыкли от свободы и неразрывно связанной с ней ответственности за самих себя. Все боялись, как бы не стало еще хуже. В условиях нехватки самого элементарного распределительная система под контролем оккупационных властей многим представлялась наименьшим злом [Зарицкий, 1997. С. 85].

Таким образом, без учета соответствующих социальных взаимосвязей говорить о воплощении в Германии какого бы то ни было иного адекватного хозяйственного строя, альтернативного продолжившейся после 1945 года практике хозяйственного регулирования, ни теоретически, ни практически не представлялось возможным. Именно данные социальные предпосылки создавали почву для развернувшихся в Германии первых послевоенных лет бурных дебатов относительно вопроса о социализации³⁰, которые в определенной степени влияли на последующий процесс формирования новой экономической модели ФРГ.

Разумеется, социальный климат не мог не отражаться и на возрождающейся политической жизни в стране. В самом начале оккупационного периода в программах почти всех ведущих германских партий содержалось общее требование — «больше социализма» [Зонтхаймер, 1996. С. 27]. Партийные ораторы высказывались за широкое «вмешательство государства в экономику, поскольку только в государстве им виделась сила, способная обуздать послевоенный хаос» [Погорлецкий, 2001. С. 168]. Так, Социал-демократическая партия Германии³¹ в сво-

³⁰ В данном случае под социализацией не подразумевалось полное огосударствление средств производства. Скорее речь шла о возможности экспроприации ключевых отраслей промышленности, где следовало установить «такую систему собственности и производства, которая действовала бы на кооперативной основе с участием земель, профсоюзов и потребительских кооперативов» [Quaas, 2000. S. 89]. Такого рода настроения (которые во многом подогревались политикой оккупационных властей, в особенности британских и французских, в чьих странах тогда интенсивно «социализировались» основные отрасли промышленности) привели к референдуму по вопросу о социализации ряда немецких отраслей промышленности и транспорта, проведенному в земле Гессен в 1946 году. По результатам плебисцита три четверти голосов было отдано за социализацию, после чего «было обобществлено 150 предприятий, что тотчас же привело к серьезным трудностям» [Арнольд, 1991. С. 63].

³¹ Следует отметить, что СДПГ после 1945 года была не новым партийным образованием, а вышла на политическую арену в качестве восстановленной партии, к руководству которой вернулись социал-демократические лидеры Веймарских времен. Среди немецких социал-демократов непосредственно послевоенного периода следует различать два наиболее влиятельных партийных объединения: Центральный комитет СДПГ в Берлине под руководством Отто Гротевольфа (с 15 июня 1945 года) и западногерманское территориальное подразделение в Ганновере под председательством Курта Шумахера (с 6 мая 1945 года). В отличие от антикоммунистического «ганноверского филиала» столичный комитет СДПГ выступал за установление «демократии в государстве и общине и социализма в экономике и обществе», активно призывая к национализации банков и страховых компаний, природных ресурсов и горнодобывающих компаний, а также к привлечению крупной земельной собственности и крупной промышленности к восстановлению народного хозяйства. Примечательно, что вскоре берлинский комитет СДПГ сам непосредственно подвергся «национализации», когда 21—22 апреля 1946 года был принудительно объединен с Компартией Германии в СЕПГ (Социалистическую единую партию Германии) в советской оккупационной зоне [Lehmann, 2000. S. 26f.].

ей программе от 1946 года провозглашала такие лозунги, как «социализм», «самоуправление» и «обобществление средств производства», и выступала за централизованное планирование и национализацию ключевых промышленных отраслей [Погорлецкий, 2001. С. 167]. Как полагали социал-демократические идеологи, преодоление послевоенного экономического кризиса в стране возможно «только путем государственного контроля», а самого восстановления можно достичь лишь с помощью политики хозяйственного регулирования [Зонтхаймер, 1996. С. 89].

Во многом схожие рецепты возрождения германского народного хозяйства первоначально можно было получить и от консервативного Христианско-демократического союза³², который также выступал за национализацию ряда промышленных отраслей и экономическое планирование [Погорлецкий, 2001. С. 167]. Так, в «Кёльнских тезисах» рейнского крыла ХДС (июнь 1945 года) четко прослеживалось ключевое положение христианско-социального учения, опиравшегося на идею построения такого политического строя, который учитывал бы помимо хозяйственных также и социальные мотивы: «Социальная справедливость и социальная любовь должны определять новое общественное устройство, которое способно сочетать в себе данную Богом свободу каждого, общественные цели и требования достижения общего блага. Таким образом, мы представляем истинный христианский социализм, который не имеет ничего общего с фальшивыми коллективистскими установками, в корне противоречащими сущности

³² Начало формирования первых земельно-территориальных объединений ХДС — второй крупнейшей партии Германии — относится к середине 1945 года. В их состав в основном вошли члены бывшей католической партии Центра. Изначально Союз включал представителей двух разных направлений: сторонников так называемого христианского социализма, вышедших из христианского профсоюзного движения и в конце 1946 года объединившихся в социальных комитетах ХДС (Карл Арнольд и позднее Якоб Кайзер), а также представителей гражданского лагеря под руководством Конрада Аденауэра — «прирожденного консерватора», как его охарактеризовали в администрации британской оккупационной зоны [Steininger, 1996. S. 117]. Рейнское объединение христианских демократов было учреждено 17 июня 1945 года в Кёльне (под председательством Лео Шверинга, Эберхарда Велти и Йоханеса Альберса; с 1 марта 1946 года его возглавил Аденауэр) как «объединяющая народная партия», призывавшая к преодолению конфессионального мышления и выражавшая интересы всех общественных групп. Основанный 26 июня 1945 года берлинский ХДС (Андреас Хермес, Якоб Кайзер и Эрнст Леммер) провозглашал лозунг «христианский социализм» и выступал за социализацию земельных недр, горного дела и ряда других ключевых отраслей. Баварский Христианско-социальный союз (ХСС) был создан 13 октября 1945 года в Вюрцбурге (а 8 января 1946 года — в Мюнхене) под руководством Йозефа Мюллера и др. и позиционировал себя как часть «межконфессионального христианского собрания во всей Германии», выступая сторонником «вечной силы христианского нравственного закона» и ставя своей целью «защитить федералистские интересы Баварии». Как видно, несмотря на общее название партии, региональные объединения христианских демократов в начальной фазе становления Союза опирались на весьма неоднородный идеологический фундамент. По меткому высказыванию Роберта Хофманна: «Союз был социалистическим и радикальным в Берлине, клерикальным и реакционным в Кёльне, капиталистическим и реакционным в Гамбурге и контрреволюционным и партикуляристским в Мюнхене» [Hofmann, 1993. S. 197]. Подробнее см. также: Учредительный манифест Христианско-демократического союза Германии [За антифашистскую демократическую Германию..., 1969. С. 87 и далее], а также [Die Geschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1989. S. 85; Lehmann, 2000. S. 26f.].

человека»³³. С целью соответствия основному постулату социальной справедливости, а также достижения общественного блага объединение христианских демократов в Кёльне выступало за своеобразную систему отношений собственности, которая гарантировала бы столько прав на владение собственностью, сколько возможно, и расширение общественной собственности «настолько, насколько это необходимо для благополучия всего общества» [Невский, 2008. С. 122].

В аналогичном духе «христианского социализма»³⁴ прозвучало и первое программное заявление ХДС британской оккупационной зоны. На заседании партийного подразделения в городе Ален (февраль 1947 года), в частности, провозглашались требования обобществления ключевых отраслей промышленности (прежде всего горнодобывающей и черной металлургии) и установления экономического планирования и регулирования. Полагая, что «капиталистическая хозяйственная система больше не отвечает государственным и социальным жизненным интересам немецкого народа после ужасной политической, экономической и социальной катастрофы», христианские демократы британской зоны выступали за коренную перестройку общественной и экономической жизни, содержанием которой больше не могло «быть капиталистическое стремление к прибыли и власти, а исключительно благополучие народа»³⁵. Вероятно, именно для достижения последней цели в Аленской программе выдвигался следующий лозунг антирыночного характера: «Планирование и управление экономикой будут необходимы в больших масштабах и на длительное время» [Ламперт, 1994. С. 58].

Зарицкий объясняет данное демонстративное отрицание ценностей «либерального индивидуализма» в Аленской программе желанием христианских демократов соответствовать вызовам своей эпохи. По словам историка, создававшиеся тогда в Западной Европе новые партии консервативной и центристской ориентации «активно вводили в свою программатику компоненты социальной политики и тезисы о более активной роли государства в экономической жизни», стремясь не только извлечь уроки из ошибок прошлого, переосмыслить новые реальности, учесть настроения широких слоев населения, но и перехватить инициативу у левых партий [Зарицкий, 1997. С. 86].

Следует добавить, что с помощью данной программы ХДС также пытался нивелировать существовавшие тогда в его рядах противоречия между двумя крупными группировками: сторонниками христианского социализма (А. Хермес и Я. Кайзер — в Берлине; В. Диркс, В. Хильперт, Э. Келер и О. Когон — во Франкфурте-на-

³³ См.: Kölner Leitsätze der Christlichen Demokraten, Juni 1945 [Steininger, 1996. S. 122]; рус. пер.: Кёльнские тезисы христианских демократов [Невский, 2008. С. 121 и далее].

³⁴ Впервые термин «христианский социализм» был официально введен в программатику ХДС на первом общегерманском съезде партии в Бад-Годесберге в декабре 1945 года [Ambrosius, 1977. S. 21].

³⁵ См.: Аленская программа ХДС британской оккупационной зоны [Невский, 2008. С. 125 и далее].

Майне) и представителями либерально-консервативных взглядов относительно вопроса будущего хозяйственно-политического устройства Германии. Тому, что уже в 1945—1946 годах отдельные подразделения ХДС/ХСС отказывались от дальнейшего развития идей христианского социализма³⁶, в немалой степени способствовала ярко выраженная антисоциалистическая позиция руководителя объединения христианских демократов в британской зоне Конрада Аденауэра³⁷. Впоследствии именно постулату *социальной справедливости* суждено было выступить тем самым общим базисом в урегулировании внутрипартийных разногласий. Ведь, как напоминает Зарицкий, «акцент на социальные компоненты в политике ХДС как бы логически вытекал из самого названия партии: уж если Союз христианский, то, разумеется, и социальный» [Зарицкий, 1997. С. 86].

Лишь спустя несколько лет в представленном 15 июля 1949 года предвыборном программном документе ХДС под заголовком «Дюссельдорфские тезисы» впервые в политической дискуссии Германии появляется формулировка «социальное рыночное хозяйство», определявшая, по словам профессора Отто Шлехта, «социально ответственную конституцию индустриального хозяйства, которая организует деятельность свободных и трудолюбивых индивидов в систему, позволяющую достичь максимальной экономической эффективности и социальной справедливости для всех» [Schlecht, 1990. S. 19]. Ввиду отсутствия у ХДС собственной четко сформулированной экономико-политической концепции накануне первых выборов в Германский бундестаг предложенная «беспартийным» министром экономики Бизонии Людвигом Эрхардом³⁸ идея построения модели социального рыночного хозяйства³⁹ не только вызвала определенный позитивный

³⁶ Как указывает Ф. Куас, «Аленская программа, вопреки всё еще содержащимся в ней требованиям обобществления, по сути дела, уже означала отказ от идей социализации для Берлинской и Франкфуртской групп ХДС. С тех пор термин „христианский социализм“ ушел из политического лексикона, будучи заменен постулатом „общественное хозяйство“» [Quaas, 2001. S. 75].

³⁷ Будучи сторонником рыночного хозяйства, Аденауэр, в частности, известен своей резкой критикой в адрес «антилиберальной» экономической политики британской оккупационной администрации. Так, относительно послевоенных планов британских властей провести широко-масштабное огосударствление промышленности в своей зоне оккупации будущий федеральный канцлер высказался следующим образом: «Если бы намерения англичан были действительно реализованы, то будущее германское государство получило бы в свои руки значительно большую власть над своим народом, чем национал-социалистическое государство в первые годы своего существования» [Зарицкий, 1997. С. 87].

³⁸ Людвиг Эрхард (1897—1977) — первый министр экономики и второй канцлер ФРГ. С марта 1948 года возглавлял Экономическое управление Бизонии, с сентября 1949 года занимал пост министра экономики, а с 1963 по 1966 год — пост канцлера ФРГ. Подробнее о политической биографии Эрхарда см., например: [Невский, 2007с. С. 385—401; Hentschel, 1996].

³⁹ Взяв на вооружение разработанную ордолибералами концепцию социального рыночного хозяйства, а также собственный научный опыт и практические достижения в области реформирования хозяйства оккупированной Западной Германии, Эрхард непосредственно участвовал в создании экономической платформы ХДС в преддверии первых парламентских выборов в ФРГ (14 августа 1949 года). Еще в начале 1949 года лидер христианских демократов Конрад Аденауэр высказался следующим образом: «Господин профессор Эрхард настолько ясно изложил ключевые принципы, что мы... без труда сможем извлечь из них основные тезисы» [Erhard, 1975. S. 3].

резонанс в рядах христианских демократов, но и нашла широкую поддержку среди немецких избирателей. Как констатировал тогда будущий федеральный министр финансов Франц Этцель: «У ХДС всё равно нет никакой собственной экономической политики, кроме той, которую проводит профессор Эрхард» [цит. по: Зарицкий, 1997. С. 99].

С точки зрения как идеологического, так и практического содержания «Дюссельдорфские тезисы» уже заметно отличались от «полусоциалистической» Аленской программы 1947 года. Во многом именно благодаря заслугам Эрхарда в предвыборном 1949 году у ХДС наконец появилась «универсальная», но в то же время целостная и последовательная партийная программа, включавшая прежде всего широкий спектр требований по наведению в стране хозяйственного порядка. Как пишет Зарицкий, «здесь было всё, что требовалось: экономическая эффективность и социальная справедливость; свободная конкуренция и необходимость контроля над монополиями; рыночные цены и активная роль государства; критика „принудительной“ экономики и отказ от „чистого“ либерализма; приверженность принципам свободного предпринимательства и категорический императив — частная собственность должна служить общему благу; оптимистическое видение будущего и предупреждения о предстоящих трудностях» [Зарицкий, 1997. С. 99]. С учетом уже обозначившегося после 1947 года некоторого роста западногерманской экономики и постепенного восстановления нормальной жизни населения, а также связанного с этим возрождения в обществе надежды на процветание, стабильность и благополучие следовало ожидать, что все вышеперечисленные аспекты с большой вероятностью могли получить одобрение немецких избирателей.

3. План Маршалла и оккупационная политика США в Германии

В исторической литературе можно встретить два широко распространенных мнения относительно того, какие факторы в действительности оказали большее влияние на успех послевоенного восстановления Германии: оккупационная политика союзников или же четко продуманный курс рыночно-экономических преобразований, последовательно реализованный под руководством немецкого министра экономики Людвиг Эрхарда. В то время как первая позиция явно способствовала очевидному преуменьшению исторической роли самих немцев в деле экономического возрождения их страны и формирования новой эффективной социальной и хозяйственной системы, вторая точка зрения, напротив, умаляла то значение, которое имела, например, американская программа помощи по плану Маршалла в деле «смягчения тягот существования населения полуразрушенной страны» [Гутник, 2002. С. 64]. В этой связи представляется целесообразным оценить реальный вклад провозглашенной летом 1947 года «Программы восстановления

и развития Европы» (European Recovery Program)⁴⁰ в хозяйственную реставрацию послевоенной Западной Германии.

Для западногерманской экономики план Маршалла⁴¹ в первую очередь должен был означать возможность получения необходимых инвестиций из-за рубежа. Так, выступая перед представителями профсоюзов в 1948 году, Людвиг Эрхард отмечал:

После денежной реформы у нас в Германии нет капитала, который может быть направлен на инвестиционные цели. Если бы мы пошли на аккумуляцию необходимых средств за счет и без того невысокого уровня жизни населения, это был бы тернистый путь. Мы надеемся получить эти средства из-за рубежа... В то время как иностранные средства пойдут на финансирование капиталовложений, внутренние доходы населения — как низкие, так и высокие — будут использоваться в основном на нужды потребления [цит. по: Abelshauser, 2004. S. 131].

В отличие от других программ послевоенной помощи Германии, прежде всего американской продовольственной программы GARIOA⁴², план Маршалла предполагал поставки не только товаров первой необходимости (так называемых товаров группы А: продуктов питания, семян, удобрений, медикаментов, топлива), но также промышленного сырья и в менее значительном объеме «инвестиционных товаров» — машин, оборудования и проч. (табл.). Для повышения эффективности внутреннего использования ресурсов в рамках реализации плана Маршалла⁴³

⁴⁰ Начало плана Маршалла относится к знаменитой речи госсекретаря Соединенных Штатов генерала Джорджа К. Маршалла в Гарвардском университете от 5 июня 1947 года, в которой декларировалась абсолютная поддержка США «процессу выздоровления в европейском мире», если страны Европы скоординированно выступят с инициативой подобного проекта и создадут условия для «оптимального использования мероприятий помощи нашего правительства». С поддержкой из гарвардского выступления Маршалла можно ознакомиться в: [Невский, 2008. С. 129]. Еще в своем выступлении по радио 28 апреля 1947 года Маршалл впервые выразил сожаление по поводу валютящегося процесса реконструкции в Европе, особо подчеркнув, что Германия и Австрия являлись «регионом с многочисленным и квалифицированным населением, богатыми ресурсами и промышленными предприятиями» [цит. по: Berger, Ritschl, 1995. P. 212].

⁴¹ Законодательное оформление плана Маршалла происходит 3 апреля 1948 года с подписанием американским президентом Гарри С. Трумэном закона «О Программе восстановления и развития Европы». Решение о включении Германии в программу помощи Европе было принято на Парижской конференции от 27 июня — 2 июля 1947 года. План Маршалла охватывал 17 европейских государств (включая Турцию), которые за четыре (финансовых) года действия программы (с 1 июля 1948 по 30 июня 1952 года) получили от Соединенных Штатов в общей сложности около 13,9 млрд долл. [Hardach, 1994. S. 243f.; Weimer, 1998. S. 28].

⁴² Government Aid and Relief in Occupied Areas, GARIOA — Программа правительственной помощи и льгот на импорт в оккупированные территории. По данной программе помощи военного министерства США в период с июля 1946 по март 1950 года в Германию было поставлено товаров первой необходимости и продовольствия на общую сумму 1,62 млрд долл. [Weimer, 1998. S. 16], а в течение 1949 календарного года, когда уже действовал план Маршалла, GARIOA обеспечивала финансирование более половины всего импорта, направляемого в Западную Германию по программам помощи [Milward, 2014. P. 59].

⁴³ Следует отметить, что первоначальные надежды немецкой стороны на возможность свободного распоряжения долларовой помощью по плану Маршалла не оправдались. К тому же в первые годы реализации программы структура импорта из США отвечала в основном внутриэкономическим приоритетам самих американцев, а не потребностям германского народного хозяйства. Напротив, британский историк Алан Милворд полагает, что поставки помощи по плану Маршалла соответствовали скорее предпочтениям стран-реципиентов, нежели американским директивам. Подробнее см.: [Milward, 1984. P. 90—125].

Структура западногерманского импорта по плану Маршалла (млн долл.)

Годы	Продовольствие, корма, зерно	Промышленное сырье	Станки и оборудование	Транспортные расходы
1948—1949	213	135	8	32
1949—1950	175	212	9	29
1950—1951	196	240	13	31
1951—1952	76	100	8	26
1952—1953	24	38	2	4
Всего	683	719	36	121
Доля (%)	43,8	46,1	2,3	7,8

Источник: Bundesminister für den Marshallplan (Hg.). Wiederaufbau im Zeichen des Marshallplans. Bonn, 1953. S. 23. Приведено по: [Abelshausen, 2011. S. 137].

под совместным американско-германским контролем⁴⁴ были созданы специальные «эквивалентные фонды» (*counterpart funds*), которые аккумулировали средства в национальной валюте, вырученные немецкими импортерами от реализации поставленных в страну товаров. Накопленные «эквивалентные средства» (в немецких марках) предназначались для последующего кредитования «узких секторов» германской экономики («помощь для самопомощи»). Более или менее ощутимое значение для накопления капитала (особенно в долгосрочной перспективе) данные инвестиции приобрели с 1949—1950 годов [Berger, Ritschl, 1995. P. 207]. Так, за 1949—1952 годы из данных инвестиционных фондов было профинансировано в среднем около 8% всех чистых капиталовложений, в основном в сфере развития инфраструктуры и производства полуфабрикатов. Значительная часть «эквивалентных инвестиций» была направлена в угледобычу, железнодорожное строительство и энергетику, а также на мобилизацию дополнительных кредитных ресурсов из немецкой банковской системы [Abelshausen, 2011. S. 140]. При этом четверть всех средств, непосредственно распределенных Кредитным ведомством по восстановлению экономики до 1952 года (в размере 3,2 млрд немецких марок), получил сектор электроэнергетики [Borchardt, Buchheim, 1987. S. 332].

Несмотря на всю неоспоримую значимость плана Маршалла для послевоенной Западной Германии, зачастую его историческая роль сильно преувеличивается, особенно тогда, когда ему приписывается решающее значение «в запуске механизмов восстановления»⁴⁵. Так,

⁴⁴ С американской стороны контроль за реализацией программы помощи осуществляла Администрация экономического сотрудничества (Economic Cooperation Administration) со штаб-квартирой в Вашингтоне, «специальным представительством» в Европе и «специальными миссиями» в каждом из участвовавших в плане Маршалла европейских государств. Управление «эквивалентными фондами» в Германии позднее было передано в руки учрежденного в 1948 году Кредитного ведомства по восстановлению экономики (Kreditanstalt für Wiederaufbau).

⁴⁵ См., например: [Камерон, 2001. С. 469; Ламперт, 1994. С. 60].

Ханнелоре Хамель в своем комментарии к «немецкому экономическому чуду» обращает внимание на то, что «Великобритания, получившая 2,7 млрд долларов, и Франция, получившая 2,8 млрд долларов, более чем вдвое превосходили в этом отношении Германию, которая с 1948 по 1952 год получила 1,3 млрд долларов» [Хамель, 1995. С. 55]. Немецкая исследовательница соотносит эту сумму с величиной «стоимости примерно 22% западногерманского импорта» [Хамель, 1995. С. 55]⁴⁶. В аналогичном ключе приводится статистика и российским исследователем Дмитрием Митяевым, который указывает, что «Западная Германия получила ...по этому плану с 1948 года около 1,9 млрд долл., что по тогдашнему курсу составляет 150 марок на человека! Это меньше, чем бесплатные поставки 1945—1948 годов продуктов питания, удобрений и семян...» [Митяев, 1992. С. 74]⁴⁷. По данным немецкого историка Вольфрама Ваймера, в 1949 году доля кредитов, предоставленных Германии по плану Маршалла, составила всего 6,4% от общих инвестиций, тогда как в 1950 году — 8,6% от всех валовых капиталовложений в сфере торговли и промышленности. «За весь период... с 1949 по 1956 год все инвестиции от Программы восстановления и развития Европы составили в среднем 2,9%», — констатирует исследователь [Weimer, 1998. S. 29].

Что же касается оценки масштабов всей иностранной помощи Германии, то, как замечает Хардах, «до октября 1954 года Федеративная Республика получила от западных союзников в общей сложности около 4,4 млрд долл. США» [Hardach, 1993. S. 193], из которых 1,7 млрд — по американской программе помощи GARIOA, 0,8 млрд — по аналогичному проекту со стороны Великобритании и 1,9 млрд — по Программе восстановления и развития Европы (и после нее). По подсчетам ученого, «полученная в целом иностранная помощь, которая в 1948—1949 годы равнялась одному, а в 1950 году — полумиллиарду долларов, в количественном выражении была не столь значительна, едва ли составляя 5% всего немецкого национального дохода в 1948—1949 годах» [Hardach, 1993. S. 193]⁴⁸. Неудивительно, что сам Людвиг Эрхард и его сподвижники довольно сдержанно высказывались о практическом зна-

⁴⁶ По другим данным, одна лишь Франция получила по плану Маршалла экономическую помощь в объеме 3,104 млрд долл. [Abelshauser, 1989. S. 62]. Взамен французское правительство пошло на сокращение взимаемых с Германии репараций, что было важно для экономической реабилитации французской зоны оккупации, где репарационное бремя было намного тяжелее, чем в англо-американской [Погорлецкий, 2001. С. 258]. Оценивая стоимость всей помощи по плану Маршалла для Германии (с 1948 по 1952 год), Абельшаузер приводит цифру в 1,56 млрд долл. (см. табл., а также: [Abelshauser, 2011. S. 135]).

⁴⁷ Пересчитав стоимость поставок помощи по плану Маршалла за 1949 год на одного жителя Западной Германии, немецкие историки-экономисты Кнут Борхардт и Кристоф Буххайм получили сумму в 30 немецких марок [Borchardt, Buchheim, 1987. S. 346].

⁴⁸ По подсчетам Алана Милворда, сделанным на основе обменных курсов до сентября 1949 года (то есть до девальвации западноевропейских валют), общий объем чистых поставок помощи Западной Германии по плану Маршалла составил 4,7% ВВП, тогда как у Нидерландов эта доля составляла 16,1%, у Франции — 9,9, у Италии — 8,8, у Великобритании — 5,2% [Milward, 2014. P. 61]. При этом из полученной иностранной помощи в размере примерно 3,2 млрд долл. ФРГ вернула только 1,2 млрд долл. [Eschenburg, 1983. S. 445].

чении плана Маршалла для экономического возрождения Германии: «Программа восстановления и развития Европы и другая иностранная помощь... мало способствовали данному прорыву. В первый год они помогли избежать голодной смерти жителям Западного Берлина, тогда как во второй — содействовали пополнению запасов и оживлению фабричного производства, при этом практически не повлияв на рост национального продукта... Экономический подъем в конечном счете был достигнут исключительно „за счет собственных сил“» [цит. по: Abelshausen, 2004. S. 153].

Такого рода осторожные оценки роли плана Маршалла могут свидетельствовать о том, что иностранная финансовая помощь в отношении Германии, хотя и являлась, по словам Эрхарда, «широкой, или даже великодушной» [Эрхард, 2001. С. 28] и, несомненно, значимой для финансирования импорта необходимого сырья из США⁴⁹, однако в деле системной трансформации западногерманского народного хозяйства и его феноменального прорыва в направлении «экономического чуда» всё же сыграла незначительную роль. «Поставки импортных товаров в рамках плана Маршалла не имели сколько-нибудь решающего значения для западногерманского экономического роста, — указывает Вернер Абельсхаузер. — Они пришли слишком поздно, чтобы хоть как-то повлиять на экономический подъем, который начался уже до этого за счет собственных средств... Они были слишком дорогими... и зачастую не отвечали потребностям западногерманской индустрии» [Abelshausen, 2004. S. 136—137]. В аналогичном духе рассуждает и российский экономист Владимир Гутник, однозначно утверждая, что «план Маршалла... не был непосредственным фактором успеха послевоенного восстановления, и его роль не следует преувеличивать, выпячивая чуть ли не в качестве главной причины успеха послевоенной трансформации» [Гутник, 2002. С. 64].

Однако несмотря на то, что план Маршалла, как показали вышеприведенные свидетельства, не следует переоценивать в отношении его материальной стороны, нельзя недооценивать его психологическое, а также политическое влияние. Для широких масс населения Германии громко распропагандированная «Программа восстановления и развития Европы» являлась своего рода гарантом стабильности и давала надежду на возможный в скором времени экономический прорыв. Сам факт включения Бизонии в план Маршалла политически был намного значимее, чем весь «экономический» вклад иностранной помощи в послевоенное восстановление Германии. Определенное значение данный проект имел также для будущего самоопределения страны в ходе формирования новой общественно-экономиче-

⁴⁹ В 1948 году около двух третей всего импорта в западные зоны оккупации финансировались за счет средств США по плану Маршалла и других программ помощи [Grosser, 1990. S. 81]. В IV квартале 1949 года доля иностранной помощи в структуре импорта Западной Германии всё еще составляла 37%, тогда как в 1950 году она равнялась уже 18%, в 1951 году — 12, а в 1952 году — 3% [Abelshausen, 2011. S. 136].

ской и политической систем. Как отмечает Абельсхаузер: «План Маршалла создавал важные предпосылки для объединения западных зон в Федеративную Республику, освобождения страны от гнета репарационных обязательств, снижения ее зависимости от оккупационных властей и получения возможности рассчитывать на собственный хозяйственный потенциал» [Abelshausen, 2011. S. 151]. Кроме того, план Маршалла дал импульс возрождению экономического сотрудничества в Западной Европе⁵⁰, установив такие правила торговли, которые благоприятствовали международной реабилитации Германии, открыв ей путь к возвращению на мировые рынки. «Помощь для самопомощи» позволила Германии самой достичь экономических успехов и, в свою очередь, внести определенный вклад в процесс стабилизации всей Западной Европы.

Бесспорно, одним из важных достижений плана Маршалла было то, что с его помощью удалось оживить международную торговлю и запустить процесс экономической интеграции в Европе. На фоне острой нехватки твердо конвертируемой валюты в послевоенной Западной Европе⁵¹ приоритетной для США стала помощь западноевропейским странам в ликвидации долларového дефицита и создании необходимых условий для либерализации торговых отношений [van Hook, 2004. P. 8]. Так, учреждение в 1950 году Европейского платежного союза⁵² должно было содействовать торговой и платежной реинтеграции Европы с широким вовлечением западногерманского хозяйства в европейское разделение труда. Восстановление западногерманской экономики как главного поставщика средств производства в страны Западной Европы, по замыслу американцев, позволило бы в среднесрочной перспективе завершить реализацию дорогостоящей программы помощи по плану Маршалла и одновременно покрыть долларový дефицит в торговле Западной Европы с США.

Несмотря на проводимую национал-социалистической Германией политику «автаркии» и «разорения соседей», торговое сотрудни-

⁵⁰ Так, 16 апреля 1948 года в Париже была основана Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) для координации распределения финансовых средств по плану Маршалла и содействия либерализации системы товарооборота и расчетов между странами-участницами. Позднее (30 сентября 1961 года) ОЕЭС была преобразована в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Подробнее о роли международной торговли в послевоенном хозяйственном восстановлении Западной Германии см., например: [Buchheim, 1990]. Для оценки вклада Германии в качестве экспортного рынка в послевоенное восстановление Западной Европы см., например: [Milward, 1992. P. 134f.].

⁵¹ Подробнее о проблеме долларového дефицита в условиях необходимости оплаты поставок из США, обусловленной отсутствием в Европе собственного долларového рынка, см.: [Buchheim, 1990. S. 111f.].

⁵² Европейский платежный союз (ЕПС) был создан 17 государствами — членами ОЕЭС 19 сентября 1950 года, вступил в силу («задним числом») с 1 июля и просуществовал до конца 1958 года. Основными целями учреждения были: ликвидация всех двусторонних расчетов и замена их системой многостороннего клиринга, упразднение валютных и внешнеторговых ограничений между странами-участницами, повышение ликвидности западноевропейских валют и подготовка их конвертируемости. Подробнее о роли ЕПС в восстановлении европейской торговли см., например: [Eichengreen, 1995].

чество в Западной Европе не было нарушено нацистской оккупацией⁵³. Как отмечают немецкие ученые Хельге Бергер и Альбрехт Ричль в своем исследовании «Германия и политэкономия плана Маршалла (1947—1952): пересмотр ревизионистского подхода» [Berger, Ritschl, 1995], в годы Второй мировой войны страны оккупированной Западной Европы поставляли в Третий рейх не только сырье для немецкого промышленного производства, но также и готовую продукцию. В свою очередь, эти страны снабжались инвестициями и капитальным оборудованием из Германии, для чего была задействована исторически сложившаяся сеть трансфертных связей западноевропейского горнорудного региона, простиравшаяся от Рурской области до Бельгии и Лотарингии⁵⁴. Поэтому в конце 1940-х годов страны континентальной Западной Европы испытывали трудности не только из-за дезорганизации торговли в целом, но прежде всего потому, что у них были прерваны торговые связи именно с Германией. Ведь благодаря экономическому превосходству и центральному географическому положению Германия традиционно исполняла роль ведущего поставщика средств производства, которому было непросто найти релевантную замену в какой-либо другой стране, за исключением Соединенных Штатов. Именно наличие значительных объемов незадействованных промышленных мощностей в послевоенной Западной Германии во многом предопределило смену внешнеполитического курса США и их союзников в пользу доктрины на восстановление германской экономики, с тем чтобы использовать ее потенциал как для снижения расходов оккупации, так и для обеспечения реальными ресурсами стран, пострадавших от нацистского режима (исключая при этом нежелательное истощение ресурсов самих США)⁵⁵. Таким образом, главная идея плана заключалась «в использовании немецких, а не американских возмож-

⁵³ Так, по состоянию на 1937—1938 годы Германия являлась ключевым торговым партнером большинства стран континентальной Европы. Исключение составляли страны Скандинавии и Швейцария, для которых основным торговым партнером наряду с Германией выступала Великобритания, а также Бельгия, у которой больший объем торговых операций был с Францией, и сама Франция, во внешнеэкономических связях которой Германия занимала третье место — после Алжира (тогда французской колонии) и Бельгии.

⁵⁴ Уже с 1940 года в рамках установления «Нового порядка» на территории «Большого экономического пространства» континентальной Европы нацистская Германия стала переходить к внедрению системы многостороннего клиринга с координирующим органом централизованного платежного союза — Немецкой расчетной кассой в Берлине (Deutsche Verrechnungskasse Berlin), являвшейся дочерним предприятием Рейхсбанка, его главным расчетным центром [Berger, Ritschl, 1995. P. 221]. Как видно, единое торговое пространство (а также механизмы финансирования) сложились в этом регионе еще задолго до начала формирования в 1950-х годах европейских экономических сообществ.

⁵⁵ Кроме того, как отмечают западногерманские исследователи, создание внутриевропейской платежной системы для обеспечения торговых операций, в том числе с Германией, позволило бы решить общие проблемы экспорта и импорта в Европе: «Западная Германия получала бы товары из других европейских стран, которые было непросто реализовать где-либо еще, в обмен на то, что она могла бы поставлять необходимые средства производства. В результате мог быть запущен внутренний процесс самовосстановления, который не накладывал бы непредвиденного бремени на американских налогоплательщиков» [Berger, Ritschl, 1995. P. 214].

ностей для восстановления Европы» [Berger, Ritschl, 1995. P. 240]. В этой связи вполне убедительным представляется утверждение Бергера и Ричля относительно того, что Программа реконструкции и развития Европы в первую очередь была нацелена на создание «необходимых условий для широкой политической вовлеченности в европейскую экономическую интеграцию как в самой Германии, так и за ее пределами, тогда как американские поставки ресурсов в Германию и другие страны Западной Европы выступали в качестве изначальной стартовой поддержки и вовсе не являлись экономической основой плана» [Berger, Ritschl, 1995. P. 200].

Между тем, несмотря на заинтересованность Соединенных Штатов в скором экономическом восстановлении стран Западной Европы, возрождение послевоенной Западной Германии не сразу оказалось в сфере внешнеполитических приоритетов Вашингтона. Как уже отмечалось, первоначально союзнические державы намеревались ликвидировать Германию как сильного промышленного конкурента на мировом рынке; предполагалось даже расчленить страну на несколько отдельных государств, ориентированных на аграрное хозяйство (доктрина Моргентау). Американская военная администрация в своей оккупационной зоне⁵⁶ должна была строго придерживаться изданной еще в апреле 1945 года специальной директивы JCS/1067⁵⁷, согласно которой послевоенная Германия рассматривалась не как «освобожденная», а как «побежденная вражеская страна», в которой следовало установить бескомпромиссное управление, основанное на радикальных мерах демилитаризации, денацификации, децентрализации и демократизации⁵⁸. Подобные условия «жесткого мира», разумеется, не оставляли никаких надежд на скорое экономическое восстановление страны. Ведь директива JCS/1067 категорически предписывала американскому военному руководству «не допускать никаких мер, которые могли бы способствовать экономическому возрождению Германии,

⁵⁶ Американская зона охватывала следующие территории Германии: Гессен, Баварию, часть территории современного Баден-Вюртемберга, а также города Бремен и Бремерхафен (как важные стратегические «анклавы» для выхода в Северное море). Главнокомандующими американской зоны оккупации были: генерал армии Дуайт Д. Эйзенхауэр (с 8 мая по 10 ноября 1945 года), генерал Джозеф Т. Макнарни (ноябрь 1945 — март 1947 года) и генерал Люциус Д. Клей (с 15 марта 1947 по 15 мая 1949 года).

⁵⁷ Директива JCS/1067 (Joint Chiefs of Staff — Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил союзников) была разработана в строжайшей секретности еще до окончания военных действий (первый проект был подготовлен 4 октября 1944 года), принята Конгрессом США 26 апреля 1945 года, подписана американским президентом Трумэнном 10 мая и обнародована в октябре 1945 года. С текстом директивы можно ознакомиться в: [Невский, 2008. С. 115 и далее].

⁵⁸ Так, в документе говорилось: «Главная цель союзников заключается в том, чтобы воспрепятствовать возможности Германии когда-либо вновь стать угрозой для всего мира. Важнейшими шагами для достижения данной цели являются истребление нацизма и милитаризма в любой форме, немедленный арест военных преступников с целью несения ими наказания, промышленное разоружение и демилитаризация Германии с последующим долгосрочным контролем немецкого военного потенциала, а также подготовка к восстановлению в дальнейшем немецкой политической жизни на демократической основе» [Steininger, 1996. S. 47]; см. также: [Невский, 2008. С. 115 и далее].

сохранению или усилению ее экономического потенциала» [цит. по: Зарицкий, 1997. С. 47]⁵⁹.

Однако некоторые представители американской военной администрации всё же придерживались более взвешенной позиции относительно дальнейшей судьбы побежденного противника. Так, по мнению заместителя главы американской оккупационной зоны генерала Люциуса Д. Клея и его финансового консультанта Льюиса Дугласа, директива JCS/1067 «была написана некомпетентными экономистами», которые «желали запретить самой квалифицированной рабочей силе Европы производить столько, сколько необходимо для континента, который так остро нуждается практически во всем» [Steininger, 1996. S. 45]⁶⁰. В данном распоряжении, в котором отчетливо прослеживались отголоски плана Morgenthau, проявлялась бесчеловечность по отношению к германскому народу, в массовом порядке сознательно обрекавшемуся на голодную смерть: «Жизнь населения должна поддерживаться на „минимально допустимом уровне“, позволяющем „предотвратить голод, распространение болезней и беспорядков“» [цит. по: Зарицкий, 1997. С. 47], — указывалось в директиве⁶¹.

Следует напомнить, что план Morgenthau, который носил официальное название «Меры по предотвращению возможности развязывания Германией Третьей мировой войны», был разработан в августе и представлен президенту Франклину Д. Рузвельту в начале сентября 1944 года в ходе подготовки второй англо-американской встречи в верхах в канадском Квебеке. Данный «радикальный» проект, основной тон которому задавал девиз: «Сильная Европа — слабая

⁵⁹ Как известно, непосредственно после установления оккупационного режима военная администрация в западных зонах постановила прекратить работу большинства немецких предприятий. Постепенно магазинам и фабрикам было разрешено возобновить свою работу (чему порой предшествовал длительный процесс лицензирования). К более или менее нормальному функционированию немецкая промышленность смогла вернуться только на рубеже 1946 года, однако многие предприятия тяжелой индустрии всё еще простаивали из-за наложенных экономических или же политических ограничений [Berger, Ritschl, 1995. P. 210]. Ведь при реорганизации германской экономики основное внимание предполагалось уделить развитию сельскохозяйственного сектора и легкой промышленности, а также увеличению объемов добычи угля. В индустриальной сфере запрету подвергались прежде всего: выплавка железа, стали, производство химических продуктов, а также автомобилестроение и тяжелое машиностроение.

⁶⁰ При этом содержащиеся в директиве «общие» предписания давали возможность интерпретировать их по своему усмотрению: «Как и все аналогичные общие директивы, JCS/1067 позволяет быть интерпретированной по-разному», — отмечал Люциус Клей в июне 1945 года. Впоследствии это предоставляло главнокомандующему американской зоной достаточно широкое пространство для проведения «собственной» политики в Германии [Steininger, 1996. S. 45].

⁶¹ Согласно плану Morgenthau аграрно-ориентированная экономика Германии смогла бы прокормить лишь 60% своего населения, «тогда как остальные 40% обрекались бы на голодную смерть» [Hardach, 1993. S. 108]. Действительно, в первые годы после окончания войны Германия испытывала колоссальный дефицит в снабжении продовольствием (в результате истощения запасов, нехватки удобрений, ограничений производства, нарушения товарно-денежных отношений и утраты аграрных регионов на востоке страны), а рационирование по продуктовым карточкам едва ли позволяло обеспечить минимально допустимый рацион. В британской и американской зонах трудности усугублялись непрекращавшимся притоком беженцев и изгнанных с бывших немецких территорий на Востоке (французская зона практически не принимала иммигрантов), доля которых в общей численности населения Западной Германии достигла 16% к концу 1946 года и превысила 20% к декабрю 1952 года [Berger, Ritschl, 1995. S. 211].

Германия!», содержал «предложения о целях и задачах послевоенной политики в Германии», смысл которых заключался в расчленении страны «на две части (южную и северную), ее практически полной деиндустриализации и превращении в страну, производящую преимущественно сельскохозяйственную и животноводческую продукцию» [Зарицкий, 1997. С. 47]⁶².

15 сентября 1944 года план Morgenthau был одобрен президентом США, однако уже через несколько дней (22 сентября) Рузвельт был вынужден аннулировать свою подпись под документом из-за резкой критики данного проекта американской общественностью⁶³. Против принятия доктрины изначально выступал и ряд высокопоставленных американских политических деятелей, среди которых были, например: министр иностранных дел Корделл Хэлл и министр обороны Генри Стимсон, а также премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. Последний опасался крайне негативных для его страны экономических последствий в случае реализации программы⁶⁴. Несмотря на то что Квебекское соглашение так и не стало официальным внешнеполитическим правовым актом США, основные положения доктрины Morgenthau на протяжении последующих двух лет определяли общую стратегию американской оккупации в Германии, найдя отражение в подписанном 2 августа 1945 года в Потсдаме соглашении о совместной политике союзнических держав — СССР, США и Великобритании — в послевоенной Германии⁶⁵.

Принятые на Потсдамской конференции решения союзников всё же способствовали некоторому смягчению содержащихся в директиве JCS/1067 предписаний, так как включали «непосредственное требование обеспечения сбалансированного экономического развития, с тем чтобы Германия могла ориентироваться на собственный хозяйственный потенциал» [Quaas, 2004. С. 83]. С американской стороны по-

⁶² Полностью с текстом плана Morgenthau можно ознакомиться в: [Невский, 2008. С. 111 и далее].

⁶³ Несмотря на то что «Квебекское соглашение» официально не оглашалось, отдельные аспекты его содержания всё же стали достоянием общественности, что вызвало резкую критику внешнеполитического курса Рузвельта по отношению к Германии. Данная критика стала причиной развернувшейся в американской прессе мощной «антирузвельтовской кампании», в которую были вовлечены 25 из 33 крупнейших газетных изданий, выступивших против плана Morgenthau. В свою очередь, Рузвельт оправдывался тем, что «он вовсе не собирался угнетать немецкий народ, а намерен лишь отстранить от власти лидеров, ответственных за преступления в Германии» [Зонгхаймер, 1996. С. 16].

⁶⁴ Впоследствии Черчилль всё же дал свое «вынужденное согласие» подписать документ, так как британцы ожидали от Соединенных Штатов неотложного кредита в размере 6,5 млрд долл. Позднее Черчилль вспоминал: «Первоначально я категорически возражал против проекта. Однако президент и Morgenthau, которых мы должны были просить весьма о многом, настаивали так упорно, что мы в итоге были вынуждены согласиться принять данный план» [Churchill, 1954. С. 192].

⁶⁵ Франция присоединилась к достигнутым в Потсдаме соглашениям спустя пять дней после завершения работы конференции — 7 августа 1945 года. С текстом «Официального сообщения о Берлинской конференции трех держав» (Потсдамской конференции) от 2 августа 1945 года можно ознакомиться в сборнике документов: [За антифашистскую демократическую Германию. С. 112 и далее]; на немецком языке см. также: [Amtsblatt des Kontrollrats in Deutschland. S. 13—20]. Подробнее о плане Morgenthau см., например: [van Hook, 2004. P. 26—34].

добная стратегия впервые получает конструктивную поддержку лишь спустя год (6 сентября 1946 года), когда министр иностранных дел Соединенных Штатов Джеймс Френсис Бирнс, выступая в Штутгарте, произнес следующие слова: «Нынешние условия в Германии не позволяют достичь уровня промышленного производства, который был определен союзными властями в качестве допустимого минимального предела развития германской мирной экономики. Сегодня ясно, что, если мы хотим достичь промышленного роста до согласованного уровня, мы не можем дальше ограничивать свободный обмен товарами, рабочей силой и идеями в пределах Германии» [Steininger, 1996. S. 264]. Бирнс призывал к упразднению экономических границ между оккупационными зонами⁶⁶, ревизии Промышленного плана 1946 года и скорому созданию германского временного правительства. Как сказал в заключение госсекретарь Соединенных Штатов: «Американский народ хочет помочь немецкому народу вновь занять почетное место среди свободных и миролюбивых наций мира» [Steininger, 1996. S. 266]⁶⁷.

Официальное признание необходимости увеличения германского промышленного производства произошло в марте 1947 года в ходе Московской конференции министров иностранных дел союзнических государств⁶⁸, на которой Дж. Маршалл (преемник Бирнса) впервые за пределами Соединенных Штатов представил свой проект экономического возрождения послевоенной Европы, предполагавший также и промышленную реабилитацию Германии. В августе 1947 года Союзный контрольный совет принял «Пересмотренный промышленный план»⁶⁹ для Бизонии, который предусматривал почти двукратное сокращение темпов демонтажа⁷⁰ и допускал некоторое увеличение масштабов германского промышленного производства⁷¹. Новый индустриальный план, по сути, ознаменовал собой отход союзников от прежней политической стратегии в духе доктрины Моргентау в пользу создания более благоприятной ситуации в Германии, с тем чтобы использовать ее хозяйственный потенциал для реконструкции всей Западной Европы.

⁶⁶ Еще за день до выступления Дж. Бирнса в Штутгарте руководители американской и британской военных администраций договорились об объединении своих оккупационных зон в «Единую экономическую область» (Бизонию). Соответствующее соглашение между США и Великобританией было подписано уже через три месяца — 2 декабря 1946 года.

⁶⁷ Текст штутгартской речи Дж. Бирнса см. в: [Невский, 2008. С. 123 и далее].

⁶⁸ Конференция продолжалась с 10 марта по 24 апреля 1947 года.

⁶⁹ Первый «План по репарациям и послевоенному состоянию германской экономики» (Plan für Reparationen und den Nachkriegsstand der deutschen Wirtschaft) был принят в марте 1946 года.

⁷⁰ Из первоначального списка в 1546 предприятий, подлежащих демонтажу в западных зонах оккупации, было вычеркнуто 687 заводов и фабрик. Оставшиеся в принятом 16 октября 1947 года «окончательном» списке по демонтажу 859 предприятий принадлежали в основном к отраслям сталелитейной, электротехнической, химической промышленности, а также к машиностроению [Hardach, 1993. S. 111].

⁷¹ Так, «Пересмотренный план» для Бизонии предусматривал примерно двукратное увеличение производства стали — с 5,8 до 10,7 млн т — и устанавливал новые пределы допустимого роста промышленного производства — с 50—55 до 70—75% от уровня 1938 года [Görtemaker, 1999. S. 138].

Вопрос о будущей роли Германии в условиях послевоенного устройства мира приобретал всё более принципиальное значение по мере нарастания конфликта «двух идеологий» между СССР и США («холодная война»⁷²). Интерпретируя внешнюю политику Советского Союза как «настойчиво экспансионистскую», американцы опасались, что экономическая неустойчивость в Европе может стать «идеальной почвой для укоренения коммунистических идей» [Steininger, 1996. S. 273f.]. В марте 1947 года президент Трумэн в своем послании Конгрессу США провозгласил широкую поддержку «всем свободным нациям» в борьбе против распространения «коммунистической угрозы» («доктрина Трумэна»)⁷³. С началом подготовки США к созданию военного альянса Германия становится важным стратегическим ориентиром для дальнейшего военно-политического присутствия Соединенных Штатов в Западной Европе. Отныне речь шла о том, чтобы «приобрести в лице Западной Германии надежного союзника, который в принципе мог бы оказывать НАТО и военную помощь» [Зонтхаймер, 1996. С. 29]. К тому же, по словам главы американской оккупационной зоны генерала Люсиуса Клея, «без самостоятельной и ответственной за себя Германии ни о каком восстановлении стабильности в Европе не могло идти и речи, а без стабильной Европы невозможно обеспечить прочный мир» [Clay, 1950. S. 9]⁷⁴.

Именно в данном контексте у Соединенных Штатов появилась убежденность в том, «что путем *перевоспитания* удастся сделать немцев хорошими демократами», что стало основным мотивом для принципиального решения о постепенной «передаче германским политиче-

⁷² Термин «холодная война» впервые был введен американским экономистом Уолтером Липпманом в 1947 году для обозначения развернувшейся борьбы двух «супердержав» за власть и влияние в мире. Формальное начало данного конфликта, как правило, связывают со знаменитой речью Уинстона Черчилля в американском городе Фултон (штат Миссури) от 5 марта 1946 года, в которой экс-премьер-министр Великобритании (в присутствии президента Трумэна) «выдвинул идею создания военного союза англосаксонских стран с целью борьбы с мировым коммунизмом» [Иванян, 2004. С. 429].

⁷³ С содержанием речи американского президента Трумэна перед Конгрессом США от 12 марта 1947 года можно ознакомиться в: [Невский, 2008. С. 127 и далее].

⁷⁴ Подробнее о деятельности Клея на посту главы американской военной администрации в Германии см., например: [Backer, 1983]. Следует сказать, что генерал Клей поддерживал возможность утверждения в Германии свободной рыночно-экономической системы, что отличало главнокомандующего американской зоной от его коллег — верховных комиссаров британской и французской зон, которые склонялись к сохранению на подконтрольных им германских территориях системы государственного регулирования и планирования, поскольку в экономической политике их собственных государств в те времена преобладали дирижистские тенденции планификации и социализации. Так, британские оккупационные власти намеревались социализировать промышленные предприятия в Рурской области, тогда как французские программы реконструкции (обозначенные в принятом в начале 1946 года плане Монне и ориентированные на модернизацию и укрепление позиций Франции в европейской тяжелой индустрии) предполагали присоединение Саарской области к национальному бюджету Франции, а также интернационализацию и ослабление потенциала Рейнско-Рурского бассейна. Интересы же советской военной администрации в Германии были направлены на всеобъемлющую экспроприацию, изъятие репараций (в виде материальных ценностей) в счет возмещения ущерба, причиненного войной, и поддержание немецкого промышленного потенциала на низком уровне [Prollius, 2006. S. 32—37]. Подробнее об экономической политике в советской зоне см. также: [Болдырев, 2015].

ским органам автономных демократических прав» [Зонтхаймер, 1996. С. 16—17].

Разумеется, в реализации данных намерений США исходили прежде всего из собственных — американских — представлений о демократии. Так, «наряду с далеко идущими программами реформ в задачу „перевоспитания“ входило разъяснение, что именно свободная экономика является наилучшим из всех возможных вариантов» [Hardach, 1993. S. 166]. Руководству американской зоны было поручено «максимально содействовать распространению в Германии американского экономического мировоззрения и основополагающих идей учения о свободном рыночном хозяйстве» [Hardach, 1993. S. 166]. Однако уже в июле 1947 года генерал Клей был проинформирован, что в планы США не входит «навязывание Германии их собственных, исторически сложившихся форм демократии и общественной организации» [Hardach, 1993. S. 166]. Об этом свидетельствует направленная главе американской оккупационной администрации директива JCS/1779: «Несмотря на то что Вашим долгом является предоставление немецкому народу возможности узнать основополагающие принципы и преимущества свободного рыночного хозяйства, в вопросе относительно общественной собственности на предприятия в Германии Ваше вмешательство допустимо лишь в том случае, если необходимо обеспечить, чтобы каждое решение за или против государственной формы собственности принималось в нормальных условиях и на свободной демократической основе» [Steininger, 1996. S. 83]⁷⁵.

Подобного рода «двойственные» предписания — с одной стороны, придерживаться политического нейтралитета, а с другой — «правильно» преподносить достоинства свободного предпринимательства — создавали почву для их субъективного толкования и соответствующей манеры исполнения. В 1950 году генерал Клей вспоминал:

Мы старались держаться нейтральной позиции между различными германскими партиями, выступавшими за разные хозяйственные системы, вопреки тому, что, согласно нашей директиве, должны были указывать на преимущества свободного предпринимательства. Американская военная администрация ни разу не нарушила своей политики нейтралитета. Когда произошло объединение нашей зоны с британской, англо-американское военное руководство было совершенно едино во мнении, что характер будущей модели германской экономики должен определяться не оккупационными властями, а самим немецким народом [Clay, 1950. S. 327].

И всё же, несмотря на официально провозглашавшийся нейтралитет, политика союзнической военной администрации оказывала пусть косвенное, но в то же время далеко не второстепенное влияние на процесс принятия решений относительно будущей формы экономического и общественно-политического устройства Западной Германии. Такие меры, как объединение американской и английской зон в еди-

⁷⁵ Die amerikanische Direktive JCS 1779 an den Militärgouverneur in Deutschland, 17.7.1947.

ную Бизонию⁷⁶, включение Германии в американскую программу помощи послевоенного восстановления Европы, а также подготовка и осуществление американскими властями денежной реформы, принято считать важнейшими политико-экономическими решениями союзников, имевшими существенное значение для последующего государственного строительства на территории трех западногерманских оккупационных зон⁷⁷.

Заключение

После крушения национал-социализма в Германии с известной долей скепсиса воспринимались любые заявления о том, что лишь модель, основанная на принципах свободного рыночного хозяйства, способна вывести страну из глубочайшего общественного, политического и экономического кризиса. Подавляющее большинство немецких граждан выступали за установление такой экономической системы, которая могла бы исключить возможность повторения всех тех катастрофических последствий капиталистического строя, которые уже имели место в их недавнем прошлом: экономические кризисы, послевоенная разруха, социальные проблемы массовой безработицы, злоупотребления экономической властью, потенциальная угроза развязывания очередной войны и проч. Стоящие перед лицом нужды, несправедливого имущественного передела, истощенные повседневной борьбой за выживание — немцы усматривали единственный способ преодоления данного бедственного положения в утверждении сильной государственной власти и «социализированного» хозяйственного строя. Послевоенные тенденции социализации и планификации в соседних европейских государствах — Англии и Франции — могли служить наглядными примерами для проведения аналогичных мер экономической политики и в соответствующих западногерманских зонах. Всё это укрепляло убежденность в том, что «планирование и управление экономикой будут необходимы в больших масштабах и на длительное время» [Ламперт, 1994. С. 58].

⁷⁶ С организационной точки зрения «Объединенная экономическая область», то есть Бизония, представляла собой экономический союз американской и британской оккупационных зон (с 1 января 1947 года) со штаб-квартирой во Франкфурте-на-Майне. Летом 1947 года здесь были созданы первые институты управления: Экономический совет, выполнявший роль квазипарламента и состоявший из 52 членов, избранных ландтагами земель; Исполнительный комитет (прообраз будущего бундесрата), в который входили восемь представителей демократически избранных правительств земель; и Директориум (прообраз будущего федерального правительства), который состоял из пяти управлений — экономики, финансов, транспорта, почты и коммуникаций, а также питания, лесного и сельского хозяйства — и наделялся непосредственными полномочиями экономического управления на территории Бизонии. Деятельность этих учреждений первоначально находилась под контролем оккупационной администрации, для чего было специально создано (9 августа 1946 года) «Двузональное контрольное бюро» (Bipartite Control Office). Подробнее об организации системы административного управления в послевоенной Западной Германии см., например: [Eschenburg, 1983. S. 375—396; Vogel, 1989].

⁷⁷ Об истории создания конституции ФРГ см., например: [Невский, 2007b].

Именно в таких условиях Альфред Мюллер-Армак и Людвиг Эрхард формулировали свои идеи относительно возможности реализации в Германии свободной, но в то же время социально-ответственной экономической системы. Однако, как с сожалением констатировал ведущий идеолог социального рыночного хозяйства (1965): «Для подавляющего большинства политиков, но также и для большинства экономистов-теоретиков представлялось немислимым пойти по пути рыночной экономики, тем более *сознательно сформированной социальной рыночной экономики*» [Müller-Armack, 1976. S. 10].

Тому, что в 1949 году именно концепции социального рыночного хозяйства удалось стать официальной политической программой ФРГ, несмотря на явное преобладание альтернативных предложений по дальнейшему общественно-экономическому развитию страны, способствовал целый ряд факторов, среди которых наиболее существенную роль сыграла оккупационная политика Соединенных Штатов. При этом если изначально США намеревались провести довольно жесткое «экономическое разоружение» Германии и даже превратить ее в аграрную страну, то с изменением послевоенной обстановки в мире и началом нового конфликта двух «супердержав» уже в 1947 году в Вашингтоне происходит кардинальный пересмотр политики по отношению к Германии и ее роли в будущем развитии всей Западной Европы. С того времени берет начало курс на политическое и экономическое возрождение Германии, восстановление ее индустриального потенциала и реинтеграцию страны в глобальное хозяйство⁷⁸.

Литература

1. Арапина С. В., Корнева Л. Н. Идеология «Народного сообщества» как форма и средство консолидации нацистского режима в Германии (на примере деятельности германского трудового фронта) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 1. № 4. С. 63—67.
2. Арнольд Ф. Предпосылки одного преобразования. «Экономическое чудо» Людвиг Эрхарда // Диалог. 1991. № 18. С. 59—71.
3. Болдырев Р. Ю. Экономические реформы в Советской оккупационной зоне Германии, 1945—1949 годы // Экономическая теория, анализ, практика. 2015. №. 1. С. 88—105.
4. Болдырев Р. Ю., Невский С. И. Денежные реформы в послевоенной Германии (1948): подготовка, проведение, итоги // Экономическая политика. 2014. № 6. С. 25—53.
5. Гутник В. П. Политика хозяйственного порядка в Германии. М., 2002.
6. За антифашистскую демократическую Германию. Сб. документов 1945—1949 гг. / Под ред. Г. А. Белова и др. М., 1969.
7. Зарицкий Б. Е. Людвиг Эрхард: секреты «экономического чуда». М., 1997.
8. Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы / Пер. с нем. М., 1996.

⁷⁸ Уже к 1952 году Федеративной Республике Германии удалось достичь положительного сальдо торгового баланса, что вскоре стало стимулировать и международную торговую динамику [van Hook, 2004. P. 8; Невский, 2006. С. 79].

9. *Иванян Э. А.* История США. М., 2004.
10. История Германии: учебное пособие для студентов вузов: в 3-х т. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. Галактионова. Кемерово, 2005.
11. *Камерон Р.* Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / Пер. с англ. М., 2001.
12. *Козловски П.* Социальное рыночное хозяйство: социальное уравнивание капитализма и всеобщность экономического порядка (о концепции Альфреда Мюллер-Армака) // Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии / Под ред. В. С. Автономова, П. Козловски. СПб., 1999. С. 77—100.
13. *Ламперт Х.* Социальная рыночная экономика. Германский путь / Пер. с нем. М., 1994. С. 77—100.
14. *Митяев Д.* Социальное рыночное хозяйство: идея, реальность, перспектива // Вопросы экономики. 1992. № 7. С. 67—80.
15. *Невский С. И.* Денежная и хозяйственная реформы в послевоенной Западной Германии // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2007а. № 5. С. 23—42.
16. *Невский С. И.* История создания Основного закона ФРГ и социальное рыночное хозяйство / Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России / Под общ. ред. проф. Р. М. Нуреева. М., 2007б. С. 260—280.
17. *Невский С. И.* Людвиг Эрхард: ученый, экономист, политик (биографический очерк) // Историко-экономический альманах. Вып. 2 / Ред.-сост. Д. Н. Платонов. М., 2007с. С. 385—401.
18. *Невский С. И.* Социально-экономические реформы в послевоенной Западной Германии: 1945—1949. Монография. М., 2008.
19. *Невский С. И.* Экономика послевоенной Западной Германии: на пути к «экономическому чуду». М., 2006.
20. *Ойкен В.* Основы национальной экономики / Пер. с нем. М., 1996.
21. *Патрушев А. И.* Германия в XX веке: Учеб. пособие. М., 2004.
22. *Погорлецкий А. И.* Экономика и экономическая политика Германии в XX веке. СПб., 2001.
23. *Хамель Х.* Комментарий к «немецкому экономическому чуду» // Цель — рыночное хозяйство: хозяйство и общество в процессе перехода от плана к рынку / Ред.-сост. К. Херрманн-Пиллат, О. Шлехт, Х. Ф. Вюнше; пер. с нем. М., 1995. С. 45—56.
24. *Ходов Л. Г.* Государственное вмешательство в экономику ФРГ в интересах монополий. М., 1966.
25. *Хопманн Э.* Мораль и рыночная система // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм / Под общ. ред. В. П. Гутника; пер. с нем. М., 2002. С. 374—409.
26. *Шмидт У.* Людские и территориальные потери, бегство и изгнание — последствия Второй мировой войны для немецкого народа // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28—30 октября 2005 г.) / Под ред. Б. Бонвеча, А. Ю. Ватлина. М., 2007. С. 35—44.
27. *Эрхард Л.* Благополучие для всех / Пер. с нем. М., 2001.
28. *Abelshäuser W.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Von 1945 bis zur Gegenwart. München, 2011.
29. *Abelshäuser W.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte seit 1945. München, 2004.
30. *Abelshäuser W.* Wirtschaftsgeschichte der Bundesrepublik Deutschland: (1945—1980). Frankfurt a. M., 1983.
31. *Ambrosius G.* Die Durchsetzung der Sozialen Marktwirtschaft in Westdeutschland, 1945—1949. Stuttgart, 1977.

32. *Ambrosius G.* Wirtschaftsordnungen // *Ambrosius G., Petzina D., Plumpe W.* (Hg.). *Moderne Wirtschaftsgeschichte. Eine Einführung für Historiker und Ökonomen.* München, 1996. S. 339—353.
33. *Amtsblatt des Kontrollrats in Deutschland, Jahrgang 1945. Ergänzungsblatt Nr. 1.*
34. *Backer J. H.* Winds of history: The German years of Lucius Dubignon Clay. N.Y., 1983 [на немецком языке: *Becker J. H.* Die deutschen Jahre des General Clay. Der Weg zur Bundesrepublik: 1945—1949. München, 1983].
35. *Barkai A.* Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus. Frankfurt a. M., 1995.
36. *Berger H., Ritschl A.* Germany and the political economy of the Marshall plan, 1947—52: A re-revisionist view // *Eichengreen B.* (ed.). *Europe's post-war recovery.* Cambridge, 1995. P. 199—245.
37. *Borchardt K., Buchheim Ch.* Die Wirkung der Marshallplan-Hilfe in der deutschen Wirtschaft // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte.* 1987. Heft 3. S. 317—347.
38. *Buchheim Ch.* Die Wiedereingliederung Westdeutschlands in die Weltwirtschaft 1945—1958. München, 1990.
39. *Churchill W.* Der Zweite Weltkrieg, Bd. VI: Triumph und Tragödie, Buch I: Dem Sieg entgegen. Bern, 1954.
40. *Clay L. D.* Entscheidung in Deutschland. Frankfurt a. M., 1950.
41. *Die Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 1: Politik / W. Benz* (Hrsg.). Mit Beitr. von H. Becker. Frankfurt a. M., 1989.
42. *Eichholtz D.* Ökonomie, Politik und Kriegsführung. Wirtschaftliche Kriegsplanungen und Rüstungsorganisation bis zum Ende der "Blitzkriegs" phase // *Eichholtz D.* (Hg.). *Krieg und Wirtschaft. Studien zur deutschen Wirtschaftsgeschichte 1939—1945.* Berlin, 1999.
43. *Eichengreen B.* The european payments union: An efficient mechanism for rebuilding Europe's trade? // *Eichengreen B.* (ed.). *Europe's post-war recovery.* Cambridge, 1995. P. 169—195.
44. *Erhard L.* Was uns trennte, was uns einte // *Deutsche Zeitung.* 1975. 26.12.
45. *Eschenburg T.* Jahre der Besatzung: 1945—1949 // *Bracher K. D. u.a.* (Hg.). *Geschichte der Bundesrepublik Deutschland: in 5 bd. Bd. 1.* Stuttgart, 1983.
46. *Görtemaker M.* Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Von der Gründung bis zur Gegenwart. München, 1999.
47. *Grosser D.* Wurden die makroökonomischen Ziele erreicht? // *Grosser D., Müller-Armack A., Lange T., Neuss B.* *Soziale Marktwirtschaft: Geschichte — Konzept — Leistung.* Stuttgart u.a., 1990.
48. *Harbrecht W., Schneider J.* Einführung: Wirtschaftspolitische Experimente im Laboratorium Kriegswirtschaft/Weimar/Drittes Reich (1914—48) und in Sowjetrußland (1917) // *Schneider J., Harbrecht W.* (Hg.). *Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik in Deutschland (1933—1993).* Stuttgart, 1996.
49. *Hardach G.* Der Marshall-plan. Auslandshilfe und Wiederaufbau in Westdeutschland 1948—1952. München, 1994.
50. *Hardach K.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert: 1914—1970. Göttingen, 1993.
51. *Henning F.-W.* Das industrialisierte Deutschland 1914 bis 1992. Paderborn u.a., 1997.
52. *Hentschel V.* Ludwig Erhard: Ein Politikerleben. München u.a., 1996.
53. *Hofmann R.* Geschichte der deutschen Parteien. Von der Kaiserzeit bis zur Gegenwart. München u.a., 1993.
54. *Jaeger H.* Geschichte der Wirtschaftsordnung in Deutschland. Frankfurt a. M., 1988.
55. *Kruse Ch.* Die Volkswirtschaftslehre im Nationalsozialismus. Freiburg i. Br., 1988.
56. *Lange T.* Soziale Marktwirtschaft in der Kontroverse. Stuttgart, 1982.
57. *Lehmann H. G.* Deutschland Chronik 1945—2000. Bonn, 2000.
58. *Milward A. S.* Europe and the Marshall plan: 50 years on // *Andrew J., Entrikin J. N.* (eds.). *The Marshall plan today: Model and metaphor.* Abingdon, Oxford, 2014. P. 58—81.
59. *Milward A. S.* The european rescue of the nation-state. Berkeley, 1992.

60. *Milward A. S.* The reconstruction of Western Europe, 1945—1951. London, 1984.
61. *Müller-Armack A.* Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft. Sonderausgabe. München, 1990.
62. *Müller-Armack A.* Die Wirtschaftsordnung, sozial gesehen // Stützel W. u.a. (Hg.). Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft. Zeugnisse aus zweihundert Jahren ordnungspolitischer Diskussion. Stuttgart u.a., 1981.
63. *Müller-Armack A.* Vorwort zu “Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik. Studien und Konzepte zur Sozialen Marktwirtschaft und zur Europäischen Integration”. 2 Aufl. Bern u.a., 1976. S. 9—15.
64. *Müller-Armack A.* Genealogie der Sozialen Marktwirtschaft. Frühschriften und weiterführende Konzepte. Bern u.a., 1981.
65. *Nathan O.* The nazi economic system. Germany’s mobilization for war. Durham N.C., 1944.
66. *Prollius M. von.* Das Wirtschaftssystem der Nationalsozialisten 1933—1939. Steuerung durch emergente Organisation und politische Prozesse. Paderborn u.a., 2003.
67. *Prollius M. von.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte nach 1945. Göttingen, 2006.
68. *Quaas F.* Soziale Marktwirtschaft: Wirklichkeit und Verfrämung eines Konzepts. Bern u.a., 2000.
69. *Schlecht O.* Grundlagen und Perspektiven der Sozialen Marktwirtschaft. Tübingen, 1990.
70. *Schneider J.* Von der Kriegswirtschaftsordnung zur sozialistischen Zentralplanung // Schneider J., Harbrecht W. (Hg.). Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik in Deutschland (1933—1993). Stuttgart, 1996.
71. *Steininger R.* Deutsche Geschichte seit 1945. Darstellung und Dokumente in vier Bänden, Bd. 1: 1945—1947. Frankfurt a. M., 1996.
72. *Tooze A.* Ökonomie der Zerstörung. Die Geschichte der Wirtschaft im Nationalsozialismus. München, 2008.
73. *Uffelmann U.* Der Weg zur Bundesrepublik. Düsseldorf, 1988.
74. *van Hook J. C.* Rebuilding Germany. The creation of the social market economy, 1945—1957. Cambridge, 2004.
75. *Vogel W.* Westdeutschland 1945—1950: der Aufbau von Verfassungs- und Verwaltungseinrichtungen über den Ländern der drei westlichen Besatzungszonen. Teil II: Einzelne Verwaltungszweige: Wirtschaft, Marshallplan, Statistik. Boppard am Rhein, 1989.
76. *Walter R.* Wirtschaftsgeschichte: Vom Merkantilismus bis zur Gegenwart. Köln u.a., 1995.
77. *Weimer W.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte: Von der Währungsreform bis zum Euro. Hamburg, 1998.

Ekonomicheskaya Politika, 2015, vol. 10, no. 6, pp. 40–78

Sergey NEVSKIY, Cand. Sci. (Econ.). E-mail: nevs kij@econ.msu.ru.

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (1/46, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation).

Economic Policy of Aliens in Post-War West Germany (1945—1947)

Abstract

The paper deals with the socio-economic and political situation in the Western zones of occupation in Germany during the first years after the World War II — a time when on the background of the increase of new global conflict — the “cold war” — the premises for the free-market reforms of mid-1948 aroused. We analyze the legacy of the National-Socialist regime in terms of the theory of economic order, determine the impact of the policy of the military administration on the economic and ideological processes in post-war Germany, reveal the conceptual views of supporters of a social market economy, and

explore the importance of the Marshall Plan and the change in the US foreign policy doctrine in relation to post-war West Germany in 1947.

Key words: economic system of the Third Reich, postwar Germany, occupation zones in Germany, Marshall-Plan, economic policy, occupation policy in Germany, international politics, institutional changes.

JEL: B31, F35, F42, N44, P16.

References

1. Arapina S. V., Korneva L. N. The ideology of „People’s community“ as the form and the tool of consolidation of the Nazi regime in Germany (the example of the German labor front). *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2012, vol. 1, no. 4, pp. 63-67.
2. Arnold F. *Premises of one reorganization. “The economic miracle” of Ludwig Erhard*. Dialog, 1991, no. 18, pp. 59-71.
3. Boldyrev R. Yu. Economic reforms in the Soviet Occupation Zone of Germany, 1945—1949. *Ekonomicheskaya Teoria, Analis, Praktika*, 2015, no. 1, pp. 88-105.
4. Boldyrev R. Yu., Nevskiy S. I. Monetary reforms in postwar Germany (1948): preparation, conduct, results. *Ekonomicheskaya politika*, 2014, no. 6, pp. 25-53.
5. Gutnik V. *Economic order policy in Germany*. Moscow, 2002.
6. Belov G. A. et al. (eds.). *For the anti-fascist democratic Germany. The collection of documents from the years 1945-1949*. Moscow, 1969.
7. Zaritskiy B. E. *Ludwig Erhard: Secrets of “economic miracle”*. Moscow, 1997.
8. Sontheimer K. *Federal Republic of Germany today. The main features of the political system*. Moscow, 1996.
9. Ivanyan E. A. *History of the USA*. Moscow, 2004.
10. Bonwetsch B., Galaktionov Ju. V. (eds.). *German History: Textbook for university students: in 3 vols. Vol. 2: From the creation of the German Empire till the beginning of the 21st century*. Kemerovo, 2005.
11. Kameron R. *A concise economic history of the world. From paleolithic times to the present*. Moscow, 2001.
12. Koslowski P. Social market economy: the social compensation of capitalism and universality of economic order (about concept of Alfred Mueller-Armack). In: Avtonomov B. S., Koslowski P. (eds.). *Social market economy. Theory and ethics of economic order in Russia and Germany*. St. Petersburg, 1999, pp. 77-100.
13. Lampert H. *Social market economy. A german way*. Moscow, 1994.
14. Mityaev D. Social market economy: The idea, reality and perspective. *Voprosy Ekonomiki*, 1992, no. 7, pp. 67-80.
15. Nevskiy S. I. Monetary and economic reforms in post-war West Germany. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 6: Economy*. 2007a, no. 5, pp. 23-42.
16. Nevskiy S. I. History of the creation of the Basic Law of Germany and the social market economy. In: Nureyev R. M. (ed.). *Social market economy: Concepts, practical experience and implementation prospects in Russia*. Moscow, 2007b, pp. 260-280.
17. Nevskiy S. I. Ludwig Erhard: Scientist, economist and politician (biographical essay). In: Platonov D. N. (ed.). *Almanac of the economic history*. Iss. 2. Moscow, 2007c, pp. 385-401.
18. Nevskiy S. I. *Socio-economic reforms in the post-war West Germany: 1945-1949*. Moscow, 2008.
19. Nevskiy S. I. *Economy of postwar West Germany: Towards the “economic miracle”*. Moscow, 2006.
20. Euken W. *The foundations of economics*. Moscow, 1996.
21. Patrushev A. I. *Germany in the 20th century: A Textbook*. Moscow, 2004.
22. Pogorletskiy A. I. *Economics and economic policy of Germany in the 20th century: Scientific edition*. St. Petersburg, 2001.
23. Hamel H. Commentary on “German economic miracle”. In: Hermann-Pillath C., Schlecht O., Wuensche H. F. (eds.). *Market economy as a task: economy and society in transition from plan to market*. Moscow, 1995, pp. 45-56.

24. Khodov L. G. *State intervention in the economy of FRG in the interests of monopolies*. Moscow, 1966.
25. Hopmann E. Morals and the market system. In: Gutnik V. *Theory of economic order: "Freiburg School" and the German neoliberalism*. Moscow, 2002, pp. 374-409.
26. Schmidt U. Human and territorial losses, flight and exile — the consequences of the Second World War for the German people. In: *Post-war German history: the Russian-German experience and perspectives*. Proceedings of the conference of Russian and German historians. Moscow, 2007, pp. 35-44.
27. Erhard L. *Welfare for all*. Moscow, 2001.
28. Abelshauer W. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Von 1945 bis zur Gegenwart*. München, 2011.
29. Abelshauer W. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte seit 1945*. München, 2004.
30. Abelshauer W. *Wirtschaftsgeschichte der Bundesrepublik Deutschland: (1945-1980)*. Frankfurt a. M., 1983.
31. Ambrosius G. Wirtschaftsordnungen. In: Ambrosius G., Petzina D., Plumpe W. (Hg.). *Moderne Wirtschaftsgeschichte. Eine Einführung für Historiker und Ökonomen*. München, 1996. S. 339-353.
32. Ambrosius G. *Die Durchsetzung der Sozialen Marktwirtschaft in Westdeutschland, 1945-1949*. Stuttgart, 1977.
33. *Amtsblatt des Kontrollrats in Deutschland*, Jahrgang 1945. Ergänzungsblatt Nr. 1.
34. Becker J. H. *Die deutschen Jahre des General Clay. Der Weg zur Bundesrepublik: 1945-1949*. München, 1983.
35. Barkai A. *Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus*. Frankfurt a. M., 1995.
36. Berger H., Ritschl A. Germany and the political economy of the Marshall plan, 1947-52: A re-revisionist view. In: Eichengreen B. (ed.). *Europe's post-war recovery*. Cambridge, 1995, pp. 199-245.
37. Borchardt K., Buchheim Ch. Die Wirkung der Marshallplan-Hilfe in der deutschen Wirtschaft. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 1987, Heft 3, S. 317-347.
38. Buchheim Ch. *Die Wiedereingliederung Westdeutschlands in die Weltwirtschaft 1945-1958*. München, 1990.
39. Churchill W. *Der Zweite Weltkrieg, Bd. VI: Triumph und Tragödie, Buch I: Dem Sieg entgegen*. Bern, 1954.
40. Clay L. D. *Entscheidung in Deutschland*. Frankfurt a. M., 1950.
41. Benz W. (Hrsg.). Mit Beitr. von H. Becker. *Die Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 1: Politik*. Frankfurt a. M., 1989.
42. Eichholtz D. Ökonomie, Politik und Kriegsführung. Wirtschaftliche Kriegsplanungen und Rüstungsorganisation bis zum Ende der "Blitzkriegs" phase. In: Eichholtz D. (Hg.). *Krieg und Wirtschaft. Studien zur deutschen Wirtschaftsgeschichte 1939-1945*. Berlin, 1999.
43. Eichengreen B. The european payments union: An efficient mechanism for rebuilding Europe's trade? In: Eichengreen B. (ed.). *Europe's post-war recovery*. Cambridge, 1995, pp. 169-195.
44. Erhard L. Was uns trennte, was uns einte. *Deutsche Zeitung*, 1975, 26.12.
45. Eschenburg T. Jahre der Besatzung: 1945-1949. In: Bracher K. D. u.a. (Hg.). *Geschichte der Bundesrepublik Deutschland: in 5 bd. Bd. 1*. Stuttgart, 1983.
46. Görtemaker M. *Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Von der Gründung bis zur Gegenwart*. München, 1999.
47. Grosser D. Wurden die makroökonomischen Ziele erreicht? In: Grosser D., Müller-Armack A., Lange T., Neuss B. *Soziale Marktwirtschaft: Geschichte — Konzept — Leistung*. Stuttgart u.a., 1990.
48. Harbrecht W., Schneider J. Einführung: Wirtschaftspolitische Experimente im Laboratorium Kriegswirtschaft/Weimar/Drittes Reich (1914-48) und in Sowjetrußland (1917). In: Schneider J., Harbrecht W. (Hg.). *Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik in Deutschland (1933-1993)*. Stuttgart, 1996.
49. Hardach G. *Der Marshall-plan. Auslandshilfe und Wiederaufbau in Westdeutschland 1948-1952*. München, 1994.

50. Hardach K. *Wirtschaftsgeschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert: 1914-1970*. Göttingen, 1993.
51. Henning F.-W. *Das industrialisierte Deutschland 1914 bis 1992*. Paderborn u.a., 1997.
52. Hentschel V. *Ludwig Erhard: Ein Politikerleben*. München u.a., 1996.
53. Hofmann R. *Geschichte der deutschen Parteien. Von der Kaiserzeit bis zur Gegenwart*. München u.a., 1993.
54. Jaeger H. *Geschichte der Wirtschaftsordnung in Deutschland*. Frankfurt a. M., 1988.
55. Kruse Ch. *Die Volkswirtschaftslehre im Nationalsozialismus*. Freiburg i. Br., 1988.
56. Lange T. *Soziale Marktwirtschaft in der Kontroverse*. Stuttgart, 1982.
57. Lehmann H. G. *Deutschland Chronik 1945-2000*. Bonn, 2000.
58. Milward A. S. Europe and the Marshall plan: 50 years on. In: Andrew J., Entrikin J. N. (eds.). *The Marshall plan today: Model and metaphor*. Abingdon, Oxford, 2014, pp. 58-81.
59. Milward A. S. *The european rescue of the nation-state*. Berkeley, 1992.
60. Milward A. S. *The reconstruction of Western Europe, 1945-1951*. London, 1984.
61. Müller-Armack A. *Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft*. Sonderausgabe. München, 1990.
62. Müller-Armack A. Die Wirtschaftsordnung, sozial gesehen. In: Stützel W. u.a. (Hg.). *Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft. Zeugnisse aus zweihundert Jahren ordnungspolitischer Diskussion*. Stuttgart u.a., 1981.
63. Müller-Armack A. Vorwort zu "Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik. Studien und Konzepte zur Sozialen Marktwirtschaft und zur Europäischen Integration". 2 Aufl. Bern u.a., 1976. S. 9-15.
64. Müller-Armack A. *Genealogie der Sozialen Marktwirtschaft. Frühschriften und weiterführende Konzepte*. Bern u.a., 1981.
65. Nathan O. *The nazi economic system. Germany's mobilization for war*. Durham N.C., 1944.
66. Prollius M. von. *Das Wirtschaftssystem der Nationalsozialisten 1933-1939. Steuerung durch emergente Organisation und politische Prozesse*. Paderborn u.a., 2003.
67. Prollius M. von. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte nach 1945*. Göttingen, 2006.
68. Quaas F. *Soziale Marktwirtschaft: Wirklichkeit und Verfrämung eines Konzepts*. Bern u.a., 2000.
69. Schlecht O. *Grundlagen und Perspektiven der Sozialen Marktwirtschaft*. Tübingen, 1990.
70. Schneider J. Von der Kriegswirtschaftsordnung zur sozialistischen Zentralplanung. In: Schneider J., Harbrecht W. (Hg.). *Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik in Deutschland (1933-1993)*. Stuttgart, 1996.
71. Steininger R. *Deutsche Geschichte seit 1945. Darstellung und Dokumente in vier Bänden, Bd. 1: 1945-1947*. Frankfurt a. M., 1996.
72. Tooze A. *Ökonomie der Zerstörung. Die Geschichte der Wirtschaft im Nationalsozialismus*. München, 2008.
73. Uffermann U. *Der Weg zur Bundesrepublik*. Düsseldorf, 1988.
74. van Hook J. C. *Rebuilding Germany. The creation of the social market economy, 1945-1957*. Cambridge, 2004.
75. Vogel W. *Westdeutschland 1945-1950: der Aufbau von Verfassungs- und Verwaltungseinrichtungen über den Ländern der drei westlichen Besatzungszonen. Teil II: Einzelne Verwaltungszweige: Wirtschaft, Marshallplan, Statistik*. Boppard am Rhein, 1989.
76. Walter R. *Wirtschaftsgeschichte: Vom Merkantilismus bis zur Gegenwart*. Köln u.a., 1995.
77. Weimer W. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte: Von der Währungsreform bis zum Euro*. Hamburg, 1998.